

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Держите порох сухим!

ЧЕРНЫЙ ХОД

Генри Лайон Олди

Черный ход

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57290323

Аннотация

Рут Шиммер носит два револьвера: один стреляет свинцом, другой – проклятиями и несчастными случаями. Револьверы Джошуа Редмана самые обычные, зато у него есть ангел-хранитель, а может, вовсе не ангел. Когда Рут и Джош встретились впервые, на парня упала тяжелая люстра. Дикий Запад, сэр, чего тут только не случается! Здесь разъездные агенты скупают у индейцев и китайских эмигрантов искры – крохотные бесполезные чудеса, а финансисты и промышленники вертят удачей, как публичной девкой.

Старый Свет горит огнем. Он давно сошел с ума, став малопригодным для жизни. Зато Новый Свет еще держится! Изрытый черными ходами, как кротовыми норами, откуда лезет всякая пакость, Дикий Запад сдвигает шляпу на затылок и готов палить во все, что движется.

Что это там движется, сэр?

На обложке использовано изображение с сайта Vecteezy из раздела Cowboy Vectors by Vecteezy

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая	10
1	10
2	17
3	23
Глава вторая	29
1	29
2	38
3	46
Глава третья	54
1	54
2	61
3	66
4	70
Глава четвертая	73
1	73
2	81
3	87
Глава пятая	95
1	95
2	98
3	105

4	111
Часть вторая	115
Глава шестая	115
1	115
2	117
3	123
4	128
5	135
Глава седьмая	141
1	141
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Генри Лайон Олди

Черный ход

На обложке использовано изображение с сайта Vecteezy из раздела Cowboy Vectors by Vecteezy

* * *

Рут и так приходится нелегко с этой сворой демонов, и каждое сказанное здесь слово наверняка станет известно им.

Стенли Элин, «Восьмой круг»

Пролог

Вечерняя заря угасала на западе.

Последние отблески падали на уступы Скалистых гор, словно лепестки дикой розы. Темнели, превращались в давленную вишню, подергивались пеплом. Ночь заявляла свои права на участок, оформленный по всем правилам в земельном управлении небесной канцелярии, по два с половиной доллара за акр – Великие Равнины, моря бизоньей травы, холмистые предгорья, поросшие саскатуном и можжевельником, суровые пески Красной пустыни на юге, край бесчисленных озер и сосновых лесов, что раскинулся к северу.

Боясь замарать перышки, ущербная луна вскарабкалась повыше. В ее присутствии звезды тускнели, утрачивали блеск, делаясь едва различимыми. Желтый совиный глаз не мигая взирает на прерию, высматривая поживу. В любую секунду луна была готова распахнуть крылья, сорваться с места и камнем упасть на добычу.

Одиноким всадник ехал шагом.

Здесь, на краю индейской территории, мало кто рисковал путешествовать в одиночку. А в темное время суток – считай, никто. Однако всадник, похоже, не был обеспокоен. Руки его лежали на луке седла, перебирая повод, как священник перебирает четки. Тень от шляпы, низко надвинутой на лоб, не позволяла разглядеть лицо. Бледный свет луны не

мог справиться с этой упрямой тенью.

Пользуясь случаем, лошадь на ходу опускала морду, срывая метелку дикого овса или пучок сочных, налившихся молочной мякотью колосков житняка. Всадник ей в этом не то чтобы потворствовал, но по крайней мере не мешал.

Воздух наполнился запахами чабреца, полыни и шалфея. Время от времени все это забивал аромат цветущих флоксов. Прохладный ветер играл с пóлами расстегнутой куртки всадника, но сил его хватало только на бахрому. Качнуть как следует плотную воловью кожу у ветра не получалось. Утомившись, он чуткими пальцами огладил две кобуры с револьверами – и унесся прочь, в сторону Элмер-Крик.

Застегнутые клапаны кобур ясно говорили о том, что их хозяин не ждет нападения.

Впереди показалось одинокое строение. В мутном окне теплился желтый огонек – младший брат луны. Одиночество хибары было обманчивым – подъехав ближе, любой обнаружил бы в ста ярдах от нее две дюжины времянок, собранных на скорую руку. В дело пошли обломки досок, листы кровельной жести, куски брезента, бычьи шкуры, старые и потрескавшиеся, сланец, ветки, бревна, какие помельче.

Крыша над головой есть? Ветер не задувает?

Ну и ладно.

Облавной дугой времянки обступали по краю неглубокий котлован. На дне котлована копилась смола – ночная тьма. Она казалась жирной, маслянистой, гуще ночи, павшей на

прерию. Неудивительно: к запахам растений здесь явственно примешивался тяжелый дух сырой нефти, а в черных тенях тускло отблескивала металлическая конструкция, напоминавшая гигантского палочника – нефтяной насос.

Всадник тронул повод.

Лошадь послушно взяла левее, обходя нефтепромысел. Копыта ступали мягко, звук был глухой, тихий, едва слышимый с десяти ярдов. Подберись кто-нибудь к всаднику, обнаружил бы, что все четыре лошадиные ноги тщательно обмотаны тряпками.

Быть услышанным всадник не желал.

Оставив промысел за спиной, он двинулся вглубь индейских земель. Трижды останавливался, слушал ночную музыку. Шорох травы под ветром. Далекое тьяквань койота. Шелест крыльев нетопыря, перечеркнувшего щербатый лунный диск. Вздохи камыша на берегу реки.

Дыхание людей.

Дозор шошонов, притаившийся в высокой траве, знал, что белый человек не способен их видеть или слышать. Тем не менее, по спинам воинов пробежал зябкий холодок. Этот бледнолицый – не дух ли он? Старики говорили, после полуночи в здешних краях можно встретить коварных *нинимби*, только прикидывающихся людьми.

Зазеваешься, наградят лихорадкой.

Всадник тронул лошадь пятками. Он проехал в двадцати шагах от шошонского дозора, углубился в прерию еще на

полмили, а потом свернул на восток. Он возвращался обратно, но не тем путем, которым прибыл. В сторону индейцев всадник даже не взглянул.

Путь вывел его опять к нефтепромыслу, но теперь индейская территория осталась у всадника за спиной. Спешившись в узкой ложбинке, он стреножил лошадь и змеей скользнул вверх по склону.

Вскоре он уже лежал на краю котлована. Удовлетворенный темнотой и безмолвием, царившими вокруг, больше не прячась, встал в полный рост. Извлек из-под куртки кожаный мешочек, развязал шнурок. С холодным любопытством луна глядела через его плечо на пук промасленных тряпок. Человек взвесил тряпье на ладони: похоже, оно было достаточно тяжелым. Не иначе, внутри притаился камень или кусок железа.

Чиркнула спичка. С шипением вспыхнул огонек, исходя вонючим сернистым дымом. Тряпки занялись сразу. Широко размахнувшись, человек швырнул горящий комок в самый центр котлована. Можно было подумать, с неба упала звезда.

Когда полыхнуло жаркое пламя, на склоне уже никого не было.

Часть первая

Несчастье тридцать восьмого калибра

Глава первая

Дюжина несчастных случаев. – Знание жизни. – Орел и решка. – Служить и защищать! – Мазурка ля минор. – Вы меня не узнаете?

1

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

- Три несчастья, Абрахам.
- Больших или малых, мисс Шиммер?
- Три малых.
- Уверены?
- Ты и ангела испустишь. Два малых и одно большое.

Лавка просторная, хоть танцы устраивай. В окнах пляшут лучи утреннего солнца, врываются под крышу, играют в чехарду на полированном металле оружия. Самые дерзкие крадутся в дальний от дверей угол, рассыпаются гурь-

бой веселых зайчиков. Их манит стойка с магазинными карабинами, помеченными клеймом компании «Winchester Repeating Arms», однозарядным «ремингтоном» и винтовкой Генри – старой, дешевой и безотказной как шлюха в сауне «У Счастливого Джо».

Дюжина револьверов, словно отряд федеральных маршалов, дремлет в тени, на полках высокого орехового шкафа с застекленными дверцами. Стена напротив шкафа истыкана крючками и гвоздями. Ее оккупировали кожаные патронташи и широкие пояса с пряжками из стали и латуни. Каждый пояс снабжен новенькой скрипучей кобурой.

Есть в них что-то от кубла гремучих змей, а может, от связок колбас, висящих в погребе. Тут все зависит от воображения и жизненного опыта зрителя.

– У вас тридцать восьмой, как обычно?

– Я не меняю привычек.

– Вот, пожалуйста.

Три блестящих патрона бок о бок встают на прилавке: троица солдат. Новенькая, с иголки форма; округлые каски. Нет, солдаты здесь ни при чем. Три стопки виски, выставленные услужливым барменом. Рано или поздно у кого-то будет жестокое похмелье.

– Еще что-то?

– Дюжину несчастных случаев.

– Прекрасный выбор. Несчастные случаи – наш конек.

– И шесть проклятий.

– Все, как вы любите, мисс Шиммер. С вас один доллар восемьдесят пять центов.

– Ты шутишь?!

– С кого другого я бы взял два доллара десять центов, а то и два с половиной. Постоянным клиентам скидка. Кстати, в продаже имеются отличные «черные полосы». На днях с почтовым дилижансом завезли из Майн-Сити, напрямиком с центрального склада компании.

– С дилижансом?

– Они согласились взять ящик-другой. Желаете?

– Парочку. И выбери почернее!

– Они все темны как ночь. Два доллара ровно, только для вас.

Рут сгребает патроны, бросает в карман пыльника. Взамен она швыряет на прилавок горсть монет по пять, десять и двадцать пять центов. Она ждет, что Абрахам, тощий старик в черном расстегнутом жилете, надетом поверх клетчатой рубашки, пересчитает деньги. Она всегда ждет этого, зная, что не дождется. Такая игра. Улыбаясь, Абрахам смахивает деньги в ящик под прилавком. Он двигается с живостью, не свойственной его почтенному возрасту.

Ящик он запрет на ключ, когда Рут выйдет на улицу.

«Абрахам Зинник: все для шансфайтеров». Оружейные лавки с такими вывесками Рут встречала повсюду, от Небраски до Техаса. Можно сказать, они преследуют Рут Шиммер.

– Скажи, Абрахам...

Торговец удивлен. Сделка состоялась, но клиентка задерживается. Клиентка хочет поболтать? Оружейная лавка – не лучшее место для досужих разговоров. Здесь слишком много оружия, это наводит на дурные мысли.

– Как тебя зовут на самом деле?

– Разве это имеет значение, мисс Шиммер? Когда мы начинаем работу, первое, что мы обязуемся – откликаться на имя Абрахам. Мистер Зинник говорит, что это визитная карточка фирмы.

– Зачем? Странное обязательство.

– Вам так проще. Я имею в виду, вам, клиентам.

Рут достает револьвер из кобуры. Лицо Абрахама остается спокойным, на губах возникает легкая улыбка. Торговец не тот человек, чтобы счесть это движение угрозой. Да и Рут Шиммер не тот человек, чтобы заинтересоваться содержимым денежного ящика. Задумчиво покусывая нижнюю губу, Абрахам следит, как Рут возвращает купленные патроны из кармана на прилавок.

Не все, только шесть.

Два несчастья, два проклятия, две «черных полосы».

Патроны похожи друг на друга, как близнецы. Никакой маркировки, пояснительных надписей на гильзах. Зачем? Абрахам прекрасно знает, что именно лежит на прилавке. Шестое чувство, чутье торговца, обслуживающего шансфайтеров, сродни чутью самих шансфайтеров, иначе и быть не

может. То же чутье говорит Абрахаму, что шансер клиентки – левый револьвер, сказали бы стрелки, чуждые шансфайтерству – пустой, но это продлится недолго.

Он прав. Рут начинает заряжать револьвер.

Всем своим поведением женщина демонстрирует, что никуда не торопится. Один за другим патроны занимают места в каморах барабана. Рут способна опознать назначение каждого заряда, где бы он ни был – на прилавке или в револьвере. Черт возьми! Спроси Абрахам, и она без ошибки ответит, что первым вылетит из ствола, вздумай она стрелять.

– Молния, – произносит Абрахам.

Рут кивает. В ее руках «Молния» – вороненый кольт тридцать восьмого калибра. В солнечном свете ствол отливает синевой. Полтора фунта с патронами, лучше не придумаешь для женской руки.

– Молния, – повторяет Абрахам. – Отличное название.

Дверца для заряжания со щелчком встает на место, скрывая патроны от досужих взглядов.

– Я не люблю похабных шуток, – предупреждает Рут.

Рукоять шансера изготовлена в форме изящной птичьей головки. Щечки из темного кедра с рубчатой насечкой. В верхней части рукояти изображен мустанг, заключенный в овал. Мустанг встал на дыбы, перед мордой развевается прядь гривы, делая животное похожим на единорога.

У мустанга торчит возбужденный член. Дураки, встречавшиеся Рут чаще, чем хотелось бы, связывают название с этим

членом. Молния, хохочут они. Эй, красотка, отличный выбор! В краях, где мужчины и женщины каждый день имеют дело со скотом, жеребец, готовый покрыть кобылу – обычное дело. Ничего такого, что смутило бы даже ребенка. Но скотство есть скотство, люди готовы делать его из чего угодно.

Абрахам разводит руками. И в мыслях не держал, показывает он. За кого вы меня принимаете?

– Ты меня впервые видишь. Тем не менее, – Рут опускает шансер в кобуру, – когда я вошла, ты сразу стал звать меня мисс Шиммер. Откуда ты узнал, кто я?

– Когда мы нанимаемся на работу в фирму мистера Зинника, второе наше обязательство – держать язык за зубами. Извините, мисс Шиммер, ничего личного. Но ради вашего расположения я рискну объясниться. Вокруг не слишком много женщин, избравших вашу профессию. Кроме вас, я слышал только о Веселой Мэри. Ее убили в прошлом году на Мормонской тропе.

– Да? Жаль.

– Мне тоже. Она не скупилась на чаевые.

– Поэтому ее убили, а я еще жива. Как тебе мое чувство юмора?

– Юмор? Я бы сказал, знание жизни. Как вам мой жилет, мисс Шиммер?

Старик оглаживает жилет ладонями. Застегивает пуговицы.

– Этот фасон был в моде еще до того, как Адама с Евой

изгнали из рая. Почему ты спрашиваешь?

– Ваш пыльник вышел из той же допотопной мастерской. Он на два размера больше, чем следовало бы. Широкий в плечах, висит ниже колен. На разрезе сзади не хватает трети пуговиц. Заштопан в десяти местах...

– Ты забыл упомянуть отвратительную полосатую подкладку. И этот цвет... Слежавшийся песок приятней для глаз. Мой пыльник давно заслуживает места на свалке.

– Почему же вы его не выбросите?

– Не твоё дело.

– Отличный ответ, мисс Шиммер. В сущности, на ваши вопросы я ответил точно так же, только другими словами. И говоря о молнии, я не имел в виду конские стати клейма. Я ценю оружие за другие достоинства.

– Это пыльник моего дяди. Это память.

– Благодарю за откровенность. Я польщен вашим доверием.

– Всего доброго, Абрахам, или кто ты там.

– Удачного дня, мисс Шиммер.

Рут выходит из лавки. У нее скверное настроение. Разговор с торговцем тут ни при чем. Напротив, беседа с Абрахамом пришлась очень кстати. До нее настроение Рут Шиммер было отвратительным, а сейчас просто скверное.

Прогресс, думает Рут.

Ветер несет пыль вдоль улицы. Пыль рыжая, улица пустая.

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

Призрачный шарик жужжит, вертится на столе. Луч солнца дробится, споткнувшись об него, рассыпает по комнате блики. На миг шарик вспыхивает. Джош моргает, поймав слепящий сполох; щурится, трет левый глаз. Шарик замедляет вращение, превращается в серебряный моргановский¹ доллар. Монета крутится на ребре, начинает вихляться как пьяная, заваливается набок. Глухой дребезг, постукивание. Доллар выписывает еще десяток-другой затухающих «восьмерок».

Успокаивается, лежит смирно.

– Решка! – возвещает Сэм Грэйв.

Он одаривает Джоша улыбкой – такой, что впору снова тереть глаз. Улыбка у Сэма отличная, честная. Без подленькой хитрецы, гадкой угодливости. Зубы белые-белые. Чистый сахар по контрасту с лоснящейся физиономией цвета сапожной ваксы. Шутят, что мамаша по утрам умывала его нефтью.

Да, Сэм – черный. Сэм мечет нож лучше всех в Элмер-Крик.

Что-то не так, сэр?

– Я выиграл! Твоя дальняя часть города.

¹ Серебряная долларовая монета, которую начали чеканить в 1878 г.

– Иди к черту, Сэм.

Джош бросает косой взгляд в сторону окна. Там, полу-скрыт кольшущейся занавеской, стоит его *тахтон*. С годами тахтон стал чертовски похож на Джоша: лицом, статью, повадками. Это увидел бы всякий и, возможно, удивился бы, да вот незадача: никто не видит тахтона. Никто, кроме Джоша. Даже Сэм, а уж Сэм подмечает все на свете! Перышко, вырванное из воробьиного хвоста, прилипло к морде кошки – Сэм приметит его с двадцати шагов. А тахтона для Сэма нет, хоть пялься в упор! Тахтон есть только для Джоша, и спасибо Господу за это, леди и джентльмены. Почему? Ну, хотя бы потому, что иначе Джош затруднился бы объяснить кое-какие вещи.

Воображаемый друг. Верный спутник.

Ангел-хранитель.

Иногда Джош сомневается насчет ангела. Но если судьба в трудную минуту сунет вам в руку заряженный револьвер, станете ли вы капризничать? Выяснить, кто его изготовил: полковник Сэмюэль Кольт или кузнец Элифалет Ремингтон? Вот-вот, господа хорошие: сперва мы будем стрелять, а потом разбираться. Нет, потом мы тоже будем стрелять.

«Ты куда смотрел? – беззвучно, одними губами спрашивает Джош. Произнеси он это вслух, прозвучало бы как упрек. – Решка? Как ты мог допустить?!»

Тахтон пожимает плечами. Орел? Решка? Джош, ты действительно считаешь, что я буду заниматься такими пустя-

ками? Ты меня совсем не уважаешь, приятель. Поди заколоты револьвером гвоздь. Прибей рукоятью муравья. Пальни из пушки по ласточкам.

Вид у тахтона обиженный, но это притворство.

Знак: отстань и не досаждай.

– Иди к черту, Сэм, – повторяет Джош.

– От Ривер-роуд до Шанхая. О, масса Джош, вы просто везунчик!

И снова рот до ушей.

Джош не выдерживает, улыбается в ответ. Он проиграл. На его долю выпала дальняя часть города. Там салун «У Счастливого Джо», где вечно случается какое-нибудь дерьмо. Но Сэм радуется так искренне, что ответить ему мрачным взглядом значит гореть в аду за грехи свои. Сказать по правде, Джош завидует этому парню.

Кто самый счастливый человек на белом свете? Вот он, перед вами.

Не верите, сэр? Думаете, Сэм Грэйв дурачок? Блаженный? Желаете над ним поглумиться? Это вы зря. Тут вам бизонья Осмака, а не цыплячий Кентукки. Кулак у Сэма – что твоя кувалда. Звезды давно видели? Среди бела дня, а?! И одна из них – звезда помощника шерифа на груди бравого мистера Грэйва. Кому охота, чтобы у него в ухе гремел церковный колокол? Вам неохота? У вас есть здравый смысл, сэр.

Скажем по секрету: кое-кто, случилось, нарывался.

- Ну что, масса Джош, пора на службу?
- А посуду мыть кто будет? Генерал Хэнкок?
- А воду таскать?
- Сегодня твоя очередь.
- ОК, я таскаю, ты моешь.

Вдвоем дело спорится. Один воду от колонки носит, другой тарелки моет. Один бекон жарит, яйцом заливает, другой в доме прибирает. Один, другой... Грешно так говорить, но старый Фред Вестингауз, земля ему пухом, очень вовремя Богу душу отдал. Наследников у Фреда не нашлось, завещания он не оставил, дом перешел в городскую собственность и в итоге достался Джошу с Сэмом.

Служишь городу – получи от города хлеб и кров. Все по-честному. Шериф Дрекстон, конечно, тот еще трудяга-законник. Чтобы он задницу от кресла оторвал, Содом Гоморрой накрыться должен, не меньше. Однако Джош с Сэмом его сообща допинали: отправился к мэру – аж через площадь! Договорился насчет крыши над головой для своих подчиненных.

Домишко неказистый, но крепкий. Пара комнат, кухня, чердак. Узенькая веранда восьми шагов в длину. Крышу перекрыли, не течет. Все лучше, чем в клоповнике «Меблированных комнат миссис Дженкинс». И платить за жилье не нужно: дом муниципальный, а мы на службе.

Шестьдесят пять центов в день на брата. Такие деньги на дороге не валяются. Нет, сэр, не валяются! А если валяются,

покажите мне, где, сэр?

– В полдень в конторе?

– Как обычно.

Удачи друг другу желать – только время зря тратить. Что может случиться в Элмер-Крик до полудня? Вот вечером, когда стемнеет – другое дело. Тут не зевай! Без смертоубийств, к счастью, обходимся. Четверка помощников шерифа бдит; пятый, Соммс, не в счет. Соммс третий год подряд сторожит тюрьму – ряд тесных камер в одном здании с конторой шерифа. Сторожит? Дрыхнет без задних ног, взгромодив эти самые задние ноги на подоконник. Отдыхает после битв с зеленым змием.

Дрекстону он приходится дальним родичем, вот и не выгоняет.

Сэм уходит первым. Джош не двигается с места. Достает два «ремингтона» 44-го калибра. Курки – на предохранительный взвод. Открыть зарядные дверки. Прокрутить ладонью барабаны: один, другой. Прислушаться к масляным щелчкам. Не заедает, ход мягкий, звук правильный. Теперь можно и зарядить. Да, сэр! Оружие следует содержать в исправности и проверять каждое утро. Это нынче служба – не бей лежачего. А еще года три-четыре назад...

Что было, то воды Змеиной реки унесли. Сейчас Джошуа Редман – законопослушный гражданин; более того, представитель закона! И это нам нравится. Да, сэр! Очень нравится! Приличное жалование, крыша над головой, уважение.

Работенка непыльная.

В приоткрытую дверь врывается ветер. Швыряет в лицо пригоршню ржавчины – вездесущей осмакской² пыли. Ну да, непыльная работенка! Джош отчаянно чихает. Прочихавшись, ухмыляется. Что сегодня способно испортить ему настроение?

Ничто!

Он протирает револьверы тряпкой. Физиономию – полотенцем. Любуется на свое отражение в мутной луже треснутого зеркала. Привычно вздрагивает: всякий раз мерещится, что трещина – шрам через все лицо, как от лихого сабельного удара.

Ритуал выполнен.

Вперед, служить и защищать!

Тахтон отлипает от окна, смеется. К чему Джош так и не привык, это к тахтоньему смеху. Всякий раз невпопад, будто джига на похоронах. Кудахчет курицей! Джош грозит тахтону кулаком, тот отмахивается. Ладно, мол, тебе. Не нравится, не буду смеяться.

Он всегда обещает. И всегда обманывает.

² Осмака (Osmaka) – «долина» на языках индейцев Дакота и Лакота. Название территории на краю фронта, где расположен город Элмер-Крик.

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

«Белая лошадь».

На вывеске, прямо под надписью, лошадь. Плод художественных усилий маляра, когда-то она была белой. Сейчас облупленная, в царапинах и пятнах.

Деревянные стены, каменный фундамент. Два этажа. Первый – салун, второй – комнаты для шлюх и постояльцев. Из дальнего окна свешиваются чьи-то стиранные подштанники. Полощутся на ветру, хотят улететь.

Двери: крылья летучей мыши. По центру дырка-сердце.

Рут входит в салун. Мышь за ее спиной долго хлопает крыльями. Можно подумать, это подштанники влетели следом. С минуту Рут стоит неподвижно. Ждет, пока глаза привыкнут к сумраку, слушает музыку. Что это? Песни из экстраваганцы³ «Мрачный жулик» в переложении для рояля. Четырнадцать лет назад была премьера в «Нибло-Гарден», об этом писали в газетах, заказ нот с доставкой на дом...

Все, хватит.

Долой воспоминания! Мало ли, что там было четырнадцать лет назад? Слишком давно, слишком больно. Хочешь этой ночью видеть кошмары? Не хочешь, только кто тебя спрашивает...

³ Театральная постановка, предок мюзикла.

Она проходит через салун, не глядя по сторонам. Поднимается на крошечную, размером с чайное блюдце, эстраду. Садится на свободный стул рядом с тапером. Дряхлый старик, тапер не делает ей замечания. Он вообще ничего не замечает вокруг. Пьян? Судя по дыханию, да. В тапере живы только руки, длинные пальцы с распухшими от возраста суставами.

Руки взлетают над клавиатурой и больше не возвращаются. Тапер берет стакан с виски, делает глоток. Тапер отдыхает. «Мрачный жулик», четырнадцать лет назад. Что там было еще, кроме «Мрачного жулика»?

Удивляясь самой себе, Рут начинает играть. Ей неудобно. По-хорошему, тапера следовало бы подвинуть. Музыка приходит сама, но беглость пальцев ушла безвозвратно. Кажется, что суставы распухли не у тапера, а у вас, мисс Шиммер.

Черный лак инструмента. Царапины.

Подпалины от окурков.

Не выпуская стакана, тапер щекочет клавиши левой рукой. Помогает. Временами он рокошет басами в духе негритянских духовных песен, но это так, шутка. Каждый развлекается на свой манер.

С помощью старика Рут добирается до конца дороги.

– Шопен, – с отвращением произносит тапер. Глаза его закрыты. Видно, как под черепашьими веками движутся глазные яблоки. – Мазурка ля минор. Крошка, с чего ты решила, будто умеешь играть?

Рут пожимает плечами. Ей нечего сказать.

– Однажды я решил, что умею стрелять, – смех у тапера скрипуч, как несмазанные дверные петли. – Эта глупость вышла мне боком. Ты отделалась легче, ты везучая.

Рут встает.

– Спасибо, – говорит она.

– Десять лет, – отвечает тапер.

– Четырнадцать, – машинально поправляет Рут.

И приходит в себя:

– Что? О чем вы, мистер?!

– Десять лет, мисс. Вы заходили в «Белую лошадь» десять лет назад. Я был моложе, мое зрение еще не угасло. Я запомнил вас. Сейчас я вас не вижу, но помню эту искалеченную мазурку. Вы сели рядом со мной и заиграли Шопена. Так же бездарно, как сейчас. У вас какие-то счета с Шопеном? Личная вражда?

Надо же! Рут действительно была в салуне десять лет назад. Играла мазурку? Нет, этого она не помнит. Дядя Том был жив, они ездили вместе. При жизни дяди Тома все было иначе. Когда ты чувствуешь себя защищенной, это и есть жизнь.

Когда ты всего лишь умеешь защищаться, это не жизнь, а черт знает что. Даже если ты умеешь нападать, это ничего не меняет.

Не двигаясь с места, Рут стоит у пианино. Разглядывает салун, сравнивает день сегодняшний с днем минувшим.

Тапер допивает виски, легонько трогая басы. Он прежний, только слепой. Пианино? Кажется, новое. Судя по звуку, точно новое. Что еще?

Люстра кованая, старая.

Газовые рожки, латунный обод. Крепежные тросы, кольца. Финтифлюшки из стекла. Рут помнит эту люстру. Десять лет назад «Белая лошадь» была дыра дырой. Люстра символизировала претензии хозяина на грядущее процветание. Свечи? Угроза пожара. Светильники на стенах? Горячее масло капает на головы клиентов. Не хотите ли газовую люстру?! Рожки накалялись, лопались, стекло опять-таки летело клиентам на головы, но люди терпели, не жаловались. Чего не вытерпишь ради прогресса?!

Стол с рулеткой. Новый.

Два зеленых стола для игры в карты. Новые. Дальний пустует. За ближним сучает чернявый красавец лет тридцати, тасует колоду одной рукой. Волосы зализаны, блестят. Щеточка усов. Бархатный сюртук цвета свежей крови. Парчовый жилет. Из кармашка свешивается часовая цепочка дутого золота.

Шулер.

Рут его не интересуется, но шулер на всякий случай улыбается женщине. Как говорится, чтобы руку не сбивать.

За стойкой – пожилой бармен с лицом, похожим на мордочку хорька. У стойки – пьянчуги, завсегдатаи. Бармен ловко запускает стаканы, кружки и бутылки по гладкой поверх-

ности дерева. Бармен старый, Рут узнает хорька. Пьянчуги тоже старые, эти всегда старые, даже если новые.

Она спускается с эстрады, садится за свободный стол. Подзывает разносчицу, шуструю толстуху.

– Кружку пива. И чего-нибудь поесть.

– Кукурузная каша. Бобы с мясной подливой, – толстуха барабанит, как по писаному. – Тушеная говядина. С овощами. Свежий хлеб.

– Кашу с говядиной.

– Пиво, каша, мясо. Сейчас будет.

Толстуху Рут помнит. Десять лет назад; минус сорок фунтов жира. Кажется, разносчица тоже помнит Рут. С другими клиентами она разговорчивей. А тут поджала губы, разве что не фыркает.

– Разрешите?

Она не обратила внимания, когда этот парень зашел в салун. Широкие плечи, длинные ноги. Румянец во всю щеку. Фланелевая рубашка, кожаная жилетка. Душа-парень, симпатяга. Такие чаще всего стреляют в спину.

На жилетке – звезда.

– Садитесь, шериф.

– Помощник шерифа, мэм. Джошуа Редман.

Рут молчит. Представиться в ответ? Нет, он тогда не отцепится. Здесь что, недостача шлюх? Или мальчик так стосковался по порядочным женщинам, что готов польститься на тощую задницу Рут Шиммер?!

– Джошуа Редман, – повторяет парень. – Вы меня не узнаете?

Рут молчит. Узнаёт.

Глава вторая

Осознание и благочиние. – Папаша Бизон. – Тахтон смеется. – Плати за себя, малыш. – Живой, потому что вечер. – Глоток лунного света. – Понадобится много ночей.

1

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

– Здорово, сынок!

– Как поживают ваши суставы, мистер Кэббидж⁴?

Вот же угадала судьба с фамилией зеленщика! Ветер треплет капустные листья на тележке-двуколке. Капуста тоже приветствует помощника шерифа.

– Вопят благим матом, парень. Завтра будет дождь, помани мое слово...

Эмили Гибсон развешивает на веревках белье своего многочисленного семейства. На миг отрывается от важного занятия, машет рукой:

– Привет, Малыш!

– Добрый день, миссис Гибсон!

– Хочешь молока?

⁴ Кэббидж (cabbage) – капуста (англ.).

– В другой раз, мэм!

Мэйн-стрит. Оружейная лавка: «Абрахам Зинник: все для шансфайтеров». В лавке Абрахам, один из многих Абрахамов фирмы, обслуживает клиента. Что-то в клиенте смущает Джоша. Боже правый! Это женщина в мужском пыльнике ниже колен. Лица женщины отсюда не разглядеть. Что она там покупает? Муж прислал? При желании в лавке можно приобрести обычные патроны, револьвер, винтовку. Все, что душе угодно для истребления ближних. Ближних? Дальних!

Кто же подпустит к себе того, кого намерен пристрелить?

Салун «Белая лошадь». Приличное заведение, не чета клоаке «У Счастливого Джо». Сюда мы заглянем после обхода. Раньше утренние обходы не требовались, но теперь, когда в Элмер-Крик что ни день приезжают новые люди...

Прав шериф: гляди в оба, пока один не выбили. Приезжие сразу должны понять: закон не дремлет! Кто тут собрался на скользкую дорожку? Сворачиваете вы, значит, за угол, весь такой с похмелья, в кармане ни цента. Высматриваете, что плохо лежит. А навстречу вам помощник шерифа при звезде и револьверах. И вот уже дурные мысли летят прочь: кыш, вороны! И снисходит на вас осознание и благочиние, как утверждает преподобный Элайджа.

Даже не сомневайтесь, сэр! Это вам Джошуа Редман говорит.

Угловое здание. «Универсальный магазин Фостера». Обе витрины – та, что на Мэйн-стрит, и та, что на Ривер-роуд –

надраены до блеска. Отражение Джоша в стекле поправляет шейный платок, сдвигает на лоб шляпу. Парень хоть куда! Ростом не великан? Моложав сверх меры? Это не беда, девушки не за рост любят. А нахальных верзил ждет большой сюрприз, сэр!

Тахтон стоит за левым плечом. В витрине он не отражается, даже для Джоша. Помнится, впервые обнаружив это свойство ангела-хранителя, Джош чуть на мыло не изошел от страха. Знаете, небось, кто в зеркалах не отражается! Избави нас Всевышний от таких «хранителей»!

Два дня маялся, с тахтоном не разговаривал. На третий день отправился прямиком в церковь. Тахтон – за ним. С Джоша семь потов сошло, пока до церкви добрался. А ну как и правда бес? Служба началась, преподобный затянул:

– Господи, услышь молитву мою...

Паства подхватила:

– И вопль мой да придет к Тебе...

Джош глянул через плечо: вот он, тахтон! Порог перешагнул, встал рядом. Осматривается с любопытством. Не корежит его, падучая не бьет. Сила святая прочь не выталкивает. Сгорать в корчах тоже вроде бы не собирается. Подпевает, губами шевелит.

Интересно ему. Впервые, что ли, в церкви?!

Так всю службу вдвоем и отстояли. Народу набилось, что гороху в стручке, на скамьях яблоку упасть негде. На улицу вышел – гора с плеч! Не бес ты, приятель, не отродье сатаны.

На радостях раскошелился: вернулся, толстенную пятицентовую свечку поставил. Молитву благодарственную прочел. Своими словами, не по Писанию, зато от души!

«Ты собрался взглядом провертеть дыру в витрине? – тахтон прерывает воспоминания. Его голос Джош слышит как шелест. Кажется, что в голове растет лес, качаясь под ветром. – Это делается не так.»

Тахтон шутит. Или не шутит.

Из чистого упрямства Джош не трогается с места. Изучает ассортимент в витрине фостеровского магазина. Коробка гаванских сигар. Пара лаковых туфель – такие в Элмер-Крик носит один мэр. Бутылка Blanton's Bourbon Whiskey. Топор лесоруба. Длинное топориче сверкает яичной желтизной. Серебряный футляр для спичек. Три колоды карт. Черепаховые гребни. Шейные платки по десять центов. Лопата с упором на конце черенка...

«Убиваешь время? Это делается не так.»

Два манекена: дама и джентльмен. Лиловое платье с оборками. Твидовый костюм благородного орехового цвета. Когда Джошуа Редман станет шерифом, он купит себе этот костюм.

Ривер-роуд. Чешуя Змеиной реки за милю сверкает на солнце. Снова Мэйн-стрит. Улица делит город на Южную и Северную стороны – и упирается в Шанхай. Здесь обосновались китайцы: желтые деловитые муравьи. В битком набитых трюмах пароходов, где ешь что придется, а мочишься под се-

бя, они сбежали в Осмаку. От чего? От крошечных ужасов, превративших Старый Свет в ад, а Китай пуще всего.

Джошуа кое-что слышал про это дело. Из садового шланга вместо воды начинает бить ядовитый газ. Два квартала пятнистых трупов, раздувшихся на жаре. Небеса рвутся по шву, из багровой подкладки валится удушливая вата. Стая бумажных журавликов оборачивается птицами из серебристого железа, сжигающими город дотла. Спичечный коробок падает на землю, растет, покрывается броней, превращается в чудовище со слоновьим хоботом. Извергает спички – жуткие снаряды, они способны превратить дом в костер. Времена года меняются в течение дня. Воздух убивает детей в утробе матери. Эпидемии болезней, которым нет названия. Бесконечные войны, когда не знаешь, на чьей ты стороне, потому что игральная кость мира лишилась сторон.

В это трудно поверить, оставшись в здравом уме.

Джош расспрашивал тахтона, что да как за океаном. Тахтон молчал. Похоже, и сам не знал. Пришлось довольствоваться всякими враками. Китайцы о прошлой жизни тоже не рассказывают, хоть клещами за язык тяни. Счастливы, небось, тем, что сбежали из пекла! Не бездельничают, не пьют, в карты не играют, в воровстве не замечены, живут бедней церковной мыши, а улыбаются что твои короли – привет Сэму Грэйву.

Перестук молотков. Залихватский визг пил. В Шанхае все время что-то строится. Теперь, когда тянут железную доро-

гу и в город повалил народ, строят не только в Шанхае. Жилья не хватает, плотники нарасхват. Голландец Ван дер Линден, владелец лесопилки, потирает руки и взвинчивает цены каждую неделю.

Чисто выметенные улочки. Храм. Дома́ здесь как близнецы миссис Гибсон: мелкие, одинаковые. Зато храм китайцы отгрохали на славу: крыша с загнутыми коньками полыхает красной киноварью. У входа – львы из дерева, покрытые дорожкой золотой краской. А может, не львы, а драконы. Джош ни тех, ни других сроду не видел.

– Хелло! – машет от дверей харчевни миниатюрная китаянка.

Это одно из десятка английских слов, которые она знает.

– Добрый день, миссис Ли.

– Чаю?

– Спасибо, не сегодня.

Чай у миссис Ли душистый и темный, с привкусом топленого молока. Однажды китаянка из большого расположения угостила Джоша особым чаем из старых запасов – и Джош едва не сблевал. У чая был вкус рыбы и запах ног скотогона Роберта Краули, только что вернувшегося с дальних выпасов. После этого миссис Ли наливала ему только молочный чай и между ними установилось полное взаимопонимание.

Прощай, Шанхай! Здравствуй, улица Независимости. Гори огнем, салун «У Счастливого Джо»! Кто это у нас? Ага, папаша Бизон.

Бизон ревет и мычит. В салун папаше хода нет. В дверях маячит Одноглазый Фредди, владелец и бармен в одном чрезвычайно масштабном лице. Фредди жует мятую самокрутку, пускает дым через нос. Сизые завитки застревают в жесткой щетине на щеках.

Что у Фредди в руках? Увесистая дубовая палка.

Сперва Одноглазый хотел назвать салун «У Красавчика Фредди». Но его отговорили, указав на очевидную несообразность. Пришлось остановиться на Счастливишке Джо. Кто это такой, не знала ни одна живая душа, включая Фредди.

Бизон ревет. Бизон качается на нетвердых ногах. Ломиться внаглую он пока не решается. В кудлатой башке осталась толика соображения. Фредди есть Фредди, а палка есть палка. Соображение ведет бой с желанием добавить. Соображение проигрывает.

Сам справлюсь, говорит Джош тахтону. Не лезь.

«Да уж постарайся.»

Джош кивает Фредди из-за спины Бизона. Хватает папашу за шиворот, оттаскивает от салуна. Бизон соображает с трудом, поэтому не сопротивляется. Но тащить его все равно тяжело: экая туша!

К счастью, поилка для лошадей недалеко.

С удовольствием, чистым как слеза младенца, Джош макает папашу мордой в поилку. Хотел выпить? Пей! Бизон булькает, суматошно машет руками, будто собрался взлететь. Двери салуна содрогаются – там, поперхнувшись ды-

мом, хохочет Одноглазый.

Джош извлекает папашу из поилки. Тот тоже кашляет. Они с Фредди перхают наперебой, давятся, утирают слезы, а потом Бизон требует с убедительностью судьи, назначающего порку незадачливому курокраду:

– Еще!

Еще так еще. Джош не против.

– Хватит! – после третьего раза заявляет папаша.

Садится, прислоняется спиной к коновязи. Отдыхает, обсыхает.

Джош шагает дальше. Тахтон следует за ним. Иногда ангел-хранитель исчезает по своим призрачным делам, но всегда возвращается. С момента их знакомства Джошуа не припомнит случая, когда бы тахтон покидал его больше, чем на полдня.

Центр города. Проулки, где, случалось, находили раненых или избитых до полусмерти. Здесь они с Сэмом месяц назад подобрали узел с краденым добром. Вор бросил добычу и сбежал.

Сегодня все в порядке.

Полдень. Контора шерифа. Сэм уже там. Доклад: происшествий нет, заявлений от горожан нет.

– До вечера свободны!

Вялый взмах руки. Шериф возвращается к прерванному занятию – поглощению яблочного пирога. Пирогоми – величиной с доброе тележное колесо – его снабжает вдова Махо-

ни. Солнце припекает, под мышками шерифа темнеют пятна пота.

Вот такая у нас служба.

Он сразу замечает ее.

Народу в «Белой лошади» мало. Скоро тут пьяному негде будет упасть, но это случится позже. Единственная женщина, третий от дверей стол. Сидит к Джошу вполоборота. Держит в поле зрения стойку и лестницу на второй этаж. Краем глаза отслеживает вход и то, что происходит в глубине салуна. Все это так, рутина, не требующая усилий. Джош женщину не интересуется. Мазнула взглядом и отвернулась.

Задумалась? Слушает брэнчание слепого Якоба?

Привычки стрелка, не будь я Джошуа Редман, сэр! Женщина-стрелок? Гадкий червячок шевелится в памяти. Давний, полумертвый червячок. Копает ход наружу, старается.

«Узнал?»

Нет.

«Это она была в оружейной лавке. Это она была здесь, в салуне.»

Тахтон умолкает. У него, как обычно, трудности с временами. Обдумав что-то свое, он продолжает:

«В лавке сегодня, в салуне давно. Теперь узнал?»

Да.

«Что будешь делать?»

– Добрый день, мэм. Разрешите?

– Садитесь, шериф.

– Помощник шерифа, мэм. Джошуа Редман.

Женщина молчит. Взгляд ее пуст и тяжел.

– Джошуа Редман. Вы меня не узнаете?

Взгляд ее пуст и тяжел. Ага, узнала.

– Меня ввела в заблуждение звезда, – говорит она. – Помощник шерифа? В остальном вы не изменились. Да, несколько.

– Я молодо выгляжу, мэм. Это мое наказание. Меня никогда не принимают всерьез.

– Прекрасный талант. Я вам завидую.

– Но перед вами совсем не тот человек, что десять лет назад. Я изменился, мэм. Добавлю, что вы приняли в этом самое живое участие.

– Неужели? Я польщена.

Она не верит. Отчасти она права.

В мозгу Джоша кудахчут знакомые куры.

Тахтон смеется.

2

Рут Шиммер по прозвищу Шеф (десять лет назад)

– Сыграй еще что-нибудь, красотка!

Рут не красotka. Рут не хочется больше играть. Сказать по правде, она даже не знает, зачем играла эту чертову мазурку. Рут двадцать лет, а дьяволу, сидящему в ней, лет сто, не меньше.

Рут спустилась вниз, подошла к стойке:

– Пива!

– Эй, Юджин! Запиши на мой счет!

Мальчик. Румяный, длинноногий. Наглый, как свора чертей. Дьявол в Рут заворочался, тихо рыча при виде дружков из преисподней. Уколол рогами в печень. Кончики рогов у дьявола острее, чем иглы. От них по телу пробежала приятная дрожь.

– Я угощаю!

– Нет.

Рут обернулась к мальчику. Ей было все трудней сдерживать себя. Дядя Том говорит, это пройдет. Она научится, образумится, перестанет видеть врага в каждом безмозглом кобеле. Дядя Том умный, опытный. Он ошибается. Рут никогда не образумится.

– Плати за себя, малыш.

Голос Рут – голос дьявола.

Мальчик побагровел. Какая-то сучка, при всех... Рут читала его мысли, написанные на гладком щекастом лице, как ноты с листа.

– Революеры, – сквозь зубы процедил он.

Пальцем указал на два революера Рут:

– Милые безделушки. Ты носишь их для красоты, правда? Никто не носит револьверы так, как ты, крошка. Ты случаем не хромаешь из-за них?

Он был прав. Никто не носил револьверы так, как Рут. Правый, обычный – низко на бедре. Левый шансер – тоже на правом боку, под мышкой. Рукоять правого кольта смотрела вверх, рукоять шансера была повернута к сердцу.

Насчет хромоты он тоже угадал, только не знал об этом.

– Хромая кляча, – ее молчание дурачок принял за слабость. – На тебе далеко не уедешь. Как ты их выхватываешь, а? Просишь, чтобы тебя подождали?

– А как ты выхватываешь своего дружка?

Кружка пива скользнула вдоль стойки.

– Он маловат даже для одной твоей руки, – Рут поймала кружку, сдула пену. – Стреляет, правда, быстро.

Она цедила свое пиво с таким видом, словно собиралась пить его до Судного дня, а последний глоток сделать после приговора.

– Полагаю, даже если шлюха попросит тебя обождать, ты не сможешь. В этом смысле ты самый быстрый стрелок отсюда до Мичигана.

Салун взорвался хохотом. Публика здесь кучковалась незамысловатая, юмор держала в штанах. Мазурка была лишней, вздохнула Рут. Все, поздно.

Она вздохнула, дьявол рассмеялся.

– Значит, маловат?

Мальчик стал белей известки. Румянец исчез, на скулах заиграли желваки.

– Сыграем, кляча? Вдвоем?!

Пятясь, он отошел к противоположной стене. Между ним и Рут быстро образовалась пустота. Незамысловатая публика такие моменты схватывала на лету.

– Эй, Джош! – вмешался бармен. – Шли бы вы на улицу!

– Не лезь, хорек!

– Это племянница Томаса Шиммера. Он сейчас вернется.

– Срать я на него хотел! Понял?

– Понять-то понял, только он сейчас вернется. Если ты ее застрелишь, тебя повесят. Ну, это в том случае, если Том сам тебя не уложит в гроб.

– Томас Шиммер? Шансфайтер?

Мальчик уставился на револьверы Рут, словно увидел их впервые. Сообразив, что к чему, расплылся в улыбке. Кажется, он придумал новую игру.

– Эй, крошка! Твой шансер против моего револьвера. Ставлю десять долларов на себя!

– Если ты ее застрелишь, – повторил бармен, – тебя повесят.

– Я? Ее?! Собью шляпу, и хватит с нее. За шляпу меня не станут вешать? В Элмер-Крик еще существует закон?

– Хватит болтовни, – подвела итог Рут.

Она повернулась к мальчику лицом. Ей двадцать лет, дьяволу, сидящему в ней, целая сотня, а мальчики, у которых

чешется в кобуре, редко доживают до старости. Впрочем, Рут помнила, что в Элмер-Крик существует закон. Дьявол забыл, а Рут помнила.

Знай дурошлеп, кого Рут видит сейчас в нем, он бы сбежал из салуна. Хорошо, что дяди Тома здесь нет, подумала Рут. Том бы все испортил.

– Я готова. Моя шляпа тоже.

Шансер потеплел. Что в каморе напротив ствола?

Несчастный случай.

Мальчик превратился в камень. Злые глаза, рот в ниточку. Пальцы подрагивали над рукоятью. Рут смотрела на дурака так, как умела. Она больше не видела рта, глаз, пальцев. Мальчик сейчас был похож на схему разделки коровьей туши. Тело его разделилось на области: светлые, красные, темные. Области разных оттенков: песок и снег, роза и пурпур, ранний вечер и поздняя ночь.

Взгляд шансфайтера. Талант шансфайтера.

Вечер.

Пусть будет вечер по центру грудины.

Она выстрелила первой. Восковая пуля, какой снабжались все особые патроны, не вылетела из ствола. Рут слышала, что некоторые придурки устраивают дуэли, снабдив патрон восковой пулей на манер зарядов к шансеру. Воск бьет несильно, можно отделаться синяком. Придурки надевают длинные кожаные плащи, закрывают лица масками или платками, прячут глаза за очками с толстыми стеклами. На то они и

придурки, да? Настоящие восковые пули вообще не покидают ствола шансера. Испаряются, исчезают без следа, прежде чем ствол закончится.

Это залог того, что дальше полетит нечто иное.

Выстрелить в ответ мальчик не успел. Один из крепежных тросов люстры, слишком помпезной для дешевого салуна, лопнул. Когда трос вырвался из кольца, огромное колесо встало вертикально, закрыв Рут от вспыхивающего стрелка. Чертова уйма железа, латуни, стекла – та еще баррикада.

Гигантский маятник качнулся, отмерил краткий миг. Край латунного обода ударил мальчика в грудь. Того впечатало в стену, он сполз на пол, хватая воздух широко раскрытым ртом. На Рут еще никто не смотрел так, как этот мальчик. Струйка крови текла из уголка его рта, грудь сотрясал кашель, но глаза горели отсветами близкого пожара. Кажется, он сейчас предложит Рут выйти за него замуж – или вцепится зубами в горло, как волк.

А может, то и другое сразу.

Живой, знала Рут. Живой, потому что вечер. Выбери она область ночи, люстра убила бы дурака. Пурпур – остался бы калекой.

– Шеф, – с уважением произнес бармен. – Дядина школа.

Шеф – так звучало общепринятое сокращение от шансфайтера. Я заработала прозвище, осознала Рут. С этим мне жить дальше. Не выясняя, что стало с наглым дурошлепом, она покинула салун. Вослед ей тапер играл Шопена, мазурку

ля минор. Басовые квинты напоминали волюнку.

У Рут так никогда не получалось.

На улице она перебрала воспоминания о выстреле, как нищий – мелочь. Песок и снег, роза и пурпур. Вечер и ночь. Маятник. Несчастный случай. Что-то еще? Она что-то упустила?

Тень.

Зыбкая тень рядом с мальчиком.

Рут не слишком удивилась. Она уже видела такие тени, раз или два. Дядя Том говорит, некоторые люди терпеть не могут одиночества. Они скорее умрут, чем останутся одни. Неважно, сколько народу трется вокруг. Одиночество внутри этих людей, а не снаружи. Бедняги от безысходности придумывают себе воображаемых друзей. Срастаются с ними, беседуют, жизни без них не представляют.

Чуткие шансфайтеры, говорит дядя Том, способны заметить такого воображаемого друга. Если ты собрался стрелять из шансера... Смешно! Невидимка делается видимым, плод фантазии заметен глазу, только если ты намерен вогнуть в кого-нибудь проклятие тридцать восьмого калибра или «черную полосу» сорок пятого.

«В них можно стрелять? – спросила Рут. – В этих?»

Дядя Том рассмеялся. Можно, а смысл? Только заряд по-

тратишь даром. Если ты что-то видишь, это не значит, что ты сумеешь это подстрелить. Не трать патроны зря, девочка. Был у меня приятель, свихнулся на этом деле. Ездил с парой шансеров, назвался Пастором. Стрелял по призракам чёрти чем, с двух рук. Патроны, говорят, сам себе делал, казенными брезговал. Псалмы играл на губной гармошке. Давно его не видел, может, по сей день ездит, если не сослали на остров Блэквелла. Знаешь такой?

«Знаю, – сказала Рут. – Читала в «Американских заметках» Диккенса. «Зрелище жуткой толпы, наполнявшей эти залы и галереи, до такой степени потрясло меня, что я постарался сократить по возможности программу осмотра...»

Нет, девочка, моя, ничего ты не знаешь. Диккенс? Что он знает, этот прощельга?! Остров Блэквелла – треть квадратной мили чистого кошмара. Приют для умалишенных, тюрьма, богадельня и лепрозорий: все сразу для всех сразу. Болтают, что заключенные там подменяют санитаров, старики моют больных, а тюремщики вколачивают в психов толику здравого смысла. Жуткая дыра, Пастору там самое место. Если не пристрелили, конечно. Кстати, про одиночество – вот уж чего не найти на острове Блэвелла днем с огнем, так это одиночества. Если тебе жизнь не мила без призрачных друзей, рано или поздно ты угодишь на проклятый остров.

Некоторые люди терпеть не могут одиночества, мысленно повторила Рут. И вспомнила волчий взгляд мальчика, сбитого люстрой.

*Джошуа Редман по прозвищу Малыш
(десять лет назад)*

– Док! Док, мать твою!

Кричать было больно. Так больно, что у Джоша темнело в глазах. Во тьме вспыхивали ослепительные звезды. Голова шла кругом, Джош падал в ледяную бездну, в пышущую жаром преисподнюю. Он мечтал упасть на самое дно. Только где оно, это дно?

Где ты, спасительное забытье?

– Док-х-х...

Сил на крик не осталось. Джош сипел, хрипел. Это тоже было больно. И дышать больно. И шевелиться. Даже просто лежать. А больней всего было, когда добрые самаритяне, ухватив подмышки и за ноги, тащили его к доктору Беннингу...

Пока дотащили, Джош иссяк, словно ручей в летний зной. Даже отчаянное желание пристрелить всех, начав с самого отзывчивого, куда-то сгинуло.

– Док-кх-кх! Ч-черт! М-мать!..

– Не бранитесь, юноша. Я уже закончил осмотр. У вас перелом двух ребер и общий ушиб грудной клетки. Вы не харкаете кровью? Удивительно. Я думал, ваши легкие пострадали больше. Вы у нас везунчик, в рубашке родились. Кого

другого мы бы уже хоронили.

Осмотрел? Когда успел?

Джош не помнил. Похоже, он все-таки терял сознание.

Жаль, ненадолго.

– Я наложу вам тугую повязку. Вам будет необходим покой. Две недели, как минимум. Лучше месяц.

– Док-х-х! Дайте что-нибудь...

– Лауданум у меня закончился, – сухо уведомил доктор Беннинг. – Остался виски, но он мне самому нужен. Впрочем... У вас есть деньги, юноша?

Деньги? Слезы, а не деньги!

– Шесть долларов...

– Негусто.

– Девять долларов.

– За эту сумму я могу ударить вас молотком по голове.

– Девять долларов и семьдесят пять центов!

– Не скрипите зубами, дантист сейчас стоит дороже хирурга. Где они у вас?

Где они, подумал Джош. А я где?

Ценой невероятного усилия ему удалось приподнять голову. Он лежал голый по пояс на дощатом столе. Левая часть груди представляла собой жуткое багрово-фиолетовое пятно. Обломки ребер, к счастью, наружу не торчали. Но радоваться этому обстоятельству у Джоша не осталось сил.

– В кх-кх-кх...

– В куртке. Какой карман?

– Вкх-кх-ну...

– Внутренний, понял.

Доктор Беннинг исчез из виду. Скрипнули половицы под грузными шагами, зашуршала ткань. Глухо звякнуло серебро.

– Что ж, молодой человек. На анестезию, пожалуй, хватит.

– Чш-ш-ш...

– Мой врачебный долг – помочь пациенту. И я сделаю все, что требуется, да-с! Если вы и сыграете в ящик, то не по моей вине. Вам есть, где переночевать?

– Нет!

– Можете задержаться у меня. Скажем, на три дня. Вернее, на три ночи. Заплатите по расценкам меблированных комнат. Заметьте, я не беру с вас по ценам Гранд-Отеля!

– Док!

Откуда и голос прорезался?

– Чтоб вы сдохли, док! Давайте ваш вискх-кх-кхи!

На свет явилась полугаллонная бутылка с не вполне прозрачной жидкостью. Под лучами солнца жидкость мягко светилась – словно бы сама по себе. Беннинг набулькал добрую половину жестяной кружки.

– Удержите?

– Да!

Руки тряслись, но кружку Джош удержал, лишь пролил чуточку. В нос шибануло ржаной сивухой. Поднеся кружку к губам, Джош зажмурился и сделал глоток. По горлу и пи-

щеводу прокатился жидкий огонь, слился в адском экстазе с пламенем, терзавшим грудь изнутри.

– Виски?

В животе рвались динамитные шашки.

– Это же самогон!

– О да! – в голосе доктора Беннинга прорезался неожиданный энтузиазм. – Натуральный «лунный свет»⁵. Та же таинственная опалесценция, так же туманит разум, пробуждает причудливые фантазии и ведет за собой в бархатную тьму ночи... Юноша! Что вас интересует в первую очередь? Букет или эффект? Пейте!

По второму разу пошло легче. Добавки док не дал. Пожадничал, сквалыга. Нет, сжалился, налил все-таки.

Ну, до дна!

Очнулся Джош в полночь. Не на столе, на кровати: узкой и жесткой. В окно лился самогон, в смысле, лунный свет. Спросонья Джош решил, что люстра ударила его не в грудь, а в голову. После докторского пошла голова просто раскалывалась. За стеной заливиисто, с присвистом между рычащими басами, храпел Беннинг. Возле кровати стоял тахтон. В лунном свете он казался призраком.

⁵ Лунный свет (moonshine) – разговорное название самогона (англ.).

Тьфу ты! Он и был призраком!

– Ты где был?! – напустился на него Джош.

К счастью, с тахтоном можно было говорить, едва шевеля губами или вообще не шевеля. Если каждый сколько-нибудь глубокий вдох – попытка, такая возможность – божий дар.

– Почему не помог?!

«Ты меня не звал. Хотел сам.»

Правда была горше яда. От нее Джош разозлился еще больше:

– Ты знал, что так случится! Знал!

С минуту тахтон молчал. Подыскивал нужное слово?

«Предполагал. С высокой долей вероятности.»

– Хоть бы предупредил! Друг, называется...

«Ты бы не послушал.»

– А ты бы предложил! Давай, мол, помогу!

«Я не предложил.»

– А мог бы! Как раньше...

«Я не мог. Ты не готов.»

– Предатель! Чей ты друг, мой или этой шлюхи?

Гнев притупил боль:

– Тоже считаешь меня слабаком?!

«Ты не готов.»

– К чему?!

«Ты не поймешь.»

– А ты попробуй!

«Ты раньше не вступал в конфликт с такими, как она.»

– С шансфайтерами?

«С такими, как она. С другими было просто. С ней – сложно. Раньше – просто. Сейчас – сложно. Раньше, сейчас. Сейчас, позже. Было, стало. Мне трудно объяснить. Вокруг слишком много путаницы. Я не мог помочь.»

– А ты бы попробовал! Постарался!

«Если бы я постарался, ты бы умер. Сердце не выдержало бы. Печень. Почки. Сосуд в мозгу. Ты не готов. У тебя есть много всякого слабого, что надорвалось бы. Не потом, не позже. Сейчас, сразу.»

– Так подготовь меня! В другой раз мы...

«Чтобы такие, как она, не видели тебя, как цель? Тебя нужно переделать. Перемешать было и стало, раньше, сейчас и потом. Это долгий труд. Не могу, могу, смогу. Невозможно, вероятно, обязательно. Шаг за шагом, отсюда туда.»

– Хватит болтовни! Я не хочу еще раз получить люстрой по ребрам.

«Понадобится много ночей.»

– Ночей?

«По ночам ты все равно спишь.»

До сих пор тахтон занимал тело Джоша, выпуская самого Джоша наружу, только ради конкретного дела. В таких случаях Джош его звал. Бывало, в минуту опасности тахтон кричал первым. Просил, требовал. Оглушительный шелест леса под натиском бури заполнял мозг Джошуа Редмана: *«По-*

зови меня! Попроси! Позволь...» Джош звал, просил, позволял. Отдавал тело во власть призрачного друга; ждал снаружи, сам бесплотный призрак-невидимка.

Когда дело было сделано, они снова менялись местами.

Еще никогда тахтон не предлагал впустить его просто так, когда Джошу не грозила опасность. Мне это нужно, сказал себе Джош. Друг меня подготовит. Тогда пусть только сунутся! Хоть эта шлюха, хоть кто другой!

Он представил себе шлюху, старую клячу. Увидел ее так ясно, будто она стояла у окна. Длинный пыльник с чужого плеча. Выцветший шейный платок. Мужские штаны из плотной саржи. Шляпа цвета болотного мха. Два револьвера справа, один над другим. Никто так не носит, кроме нее. Придет время, вашу мать, и можно будет сказать проще: никто так не носит, вообще никто.

– Что надо сделать?

«Позови меня. Пригласи войти. Разреши входить каждую ночь, пока ты спишь. Я займусь переделкой тебя.»

– Пока я буду спать?

«Пока ты будешь спать.»

А что, подумал Джош. Отличная идея. Я буду дрыхнуть без задних ног, а мой ангел-хранитель – передельывать меня для грядущих переделок. Переделка для переделок? Славная шутка, сэр! А проснусь – и тело снова мое. Я ведь ничего не теряю, верно?

«Верно...» – эхом прошелестел лес.

– Я тебя приглашаю. Входи каждую ночь, пока я сплю.
«Договорились.»

Он не думал, что заснет.

Не в первый раз Джошуа был *снаружи*. Он знал, как это бывает: чистый восторг, легкость, бессмертие. Знал, предвкушал, наслаждался. Табак, виски, женщины, трубка с китайским опиумом – ничто не шло в сравнение с этим ослепительным удовольствием. Возвращаться не хотелось, но тактон входил, затем выходил, не задерживаясь надолго, и *снаружи* превращалось во *внутри*.

Преподобный Элайджа рассказывал про изгнание из рая. Верил ли Джош преподобному? Нет, не верил. Он знал, как это происходит, а знание не нуждается в вере. Он только не знал, что *снаружи* – в раю! – тоже спят. В конце концов, он впервые коротал ночь вне собственного тела. Оказалось, что да, спят.

В ту ночь ему впервые приснился ад.

Глава третья

Другой человек. – Чистая белизна. – Не трать патроны зря. – Чертова куча дерьма. – Джентльмен и лев. – Феб и сатир.

1

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

– И не надейтесь.

– О чем вы?

– Я не буду с вами стреляться.

– Что вы такое говорите, мэм?

– Вам хочется отомстить, мистер Редман? Не спорьте, я вижу, что хочется. Полагаете, за это время вы достаточно набили руку?

Парень улыбается. Сколько ему лет? Во время первой встречи Рут дала бы ему семнадцать. Сейчас – двадцать, максимум, двадцать два. Это невозможно, ему не меньше двадцати семи! «Я молодо выгляжу, мэм. Это мое наказание...» Мне тридцать, думает Рут. Выгляжу я на все сорок. Это мое наказание? Нет, это будни.

То, что она выглядит старше своих лет, никак не задевает Рут Шиммер. Ну, почти никак.

– Джошуа, мэм. Друзья зовут меня Джош.

– Мы друзья?

– Надеюсь. Вы не поверите, мисс Шиммер, но перед вами другой человек. Вы знали молокососа и грубияна. Я не умел обращаться с женщинами. С мужчинами, думаю, тоже. Ваш выстрел...

Он поднимает взгляд. Смотрит на люстру.

– Он вышиб из меня всю дурь. Вправил мозги! Если позволите, я бы хотел попросить у вас прощения за тот поступок. Недостойный поступок, мэм! Я...

Он еще что-то говорит. Горячится, взмахивает руками. Рут не слушает. Она смотрит, как посетители салуна, проходя мимо, здороваются с парнем. Смеются, касаются шляп, хлопают по плечу. Возможно, люстра и впрямь вернула мистера Редмана на путь добродетели. Если нет, Рут ничего не теряет.

– Пиво, – говорит она.

Парень запинается на полуслове. Румянец вспыхивает ярче пожара. Трудно жить, если краснеешь так быстро.

– Что, мэм?

– В тот раз вы помешали мне допить мое пиво. Угостите меня кружечкой, и будем квиты. Это вас устраивает?

– Виски, мисс Шиммер! Самый лучший виски, какой только найдется в «Белой лошади». Бутылку, а?

– Кружка пива. Этим мы ограничимся.

«Вы хотите меня унижить?» Рут прямо слышит, как он произносит эти слова. Она слышит, он не произносит.

– Лиззи! – кричит он через весь салун. – Два пива!

– Одно, – поправляет Рут.

– Два, Лиззи! Мэм, вы жестоки. Неужели вы запретите скромному помощнику шерифа выпить свою законную кружечку? Не исключаю, что я закажу повторить. Я...

Новый взгляд на люстру.

– Она не упадет, – заверяет Рут.

– Ну, не знаю. В вашем присутствии, мисс Шиммер... Нет, не стану врать. Знаете, почему я хожу в «Белую лошадь»?

– Потому что это лучший салун в вашей дыре?

– Это лишь одна причина. Вторая заключается в том, что я борюсь со своими страхами. В «Белой лошади» мне все время чудится, что чертова громадина, будь она проклята...

О, извините! Я просто хотел сказать, что каждый миг жду...

– Что люстра вот-вот долбанет вас поперек груди?

– В яблочко, мэм!

– Это бывает. У многих, попавших под выстрел шансфайтера, сохраняются такие страхи. Что-то вроде фантомных болей. Ноги нет, но колено все еще ноет в предчувствии дождя.

– Вы меня успокоили! Страх – чепуха, главное, чтобы люстра оставалась на месте. Признáюсь вам, что раз в месяц самолично проверяю, целы ли тросы.

Рут с удивлением отмечает, что смеется. Парень, ты опасен, думает она. Мы похожи на тетку с племянником – хорошо, если не на мать с сыном! Ты нравишься мне ничуть

не больше, чем при первой встрече. Ты мне вообще не нравишься, но я сперва смеюсь, а потом замечаю это. «Вы не поверите, мисс Шиммер, но перед вами другой человек!» Я поверю, Джош. Поверю и буду бдительной.

Толстуха приносит заказ. В одной руке она держит три кружки пива, в другой – большую миску с кашей и говядиной. Говядина жесткая даже на вид. Каша такая крутая, что ее можно резать ножом, как хлеб.

Три кружки. На лице Джоша читается недоумение.

– Одну кружку заказала она, – Лиззи кивает, указывая на Рут. Заказ толстуха со стуком сгружает на стол. – Еще когда вошла. Кашу с мясом – тоже. Две кружки заказал ты. Что-то не так?

Разносчица говорит с Джошем, как с тугодумом. Наклоняется к парню, чуть ли не грудь в лицо тычет. Похоже, он ей нравится. Так она заигрывает. Станный способ, но Рут не считает себя знатоком в области ухаживаний.

– Отлично, Лиззи!

Щелчок пальцев. Монетка взлетает из руки мистера Редмана, блестит, приземляется обратно. Ныряет в кармашек платья Лиззи.

– Ах ты хитрюга! О, у нашей Лиззи ушки на макушке! Теперь тебе не придется бегать два раза...

Залпом он выпивает половину кружки.

Лиззи удаляется, всем своим видом демонстрируя неодобрение компании, с которой связался помощник шерифа.

Бедра толстухи колышутся, как борта военного корабля, делающего разворот перед сокрушительным залпом.

– Скажите, мистер Редман...

– Джош! Умоляю, Джош!

– Хорошо, – Рут сдувает пену на пол. – Скажите, Джош, не приезжал ли в Элмер-Крик некий джентльмен по имени Бенджамен Пирс? Мы договорились о встрече.

– Рад вам помочь, мэм! Он приехал позавчера.

– Снял комнату?

– Нет, мистер Пирс остановился в Гранд-Отеле.

– Где это?

– Свернете за фостеровским магазином направо. Дальше по Ривер-роуд, третий дом от угла. Двухэтажное здание с плоской крышей и широкой верандой. На первом этаже – ресторанчик для постояльцев.

– Там кормят лучше, чем в «Белой Лошади»?

– Да. Между нами, это нетрудно. Кормят лучше, но цены заметно выше. Если вы не стеснены в средствах, рекомендую остановиться там же. Не считите за любопытство, но кто он вам, этот мистер Пирс?

– Почему вы спрашиваете?

– Буду говорить прямо, мэм...

– Рут. Зовите меня Рут.

– Вы шансфайтер, Рут. Охотница за головами. Непростыми головами, замечу. Мистер Пирс не похож на бандита, и все же... Меньше всего я бы хотел, чтобы в Элмер-Крик на-

чалась заварушка. Как видите, мой интерес чисто служебный. В противном случае я не стал бы вас тревожить.

Что выбрать, думает Рут. Одно из двух. Что?

Выбор сделан.

– Бенджамен Пирс – мой отчим. Моя мать вышла за него замуж после смерти отца. Я тогда была младше, чем вы во время знакомства с люстрой. Вы удовлетворены, Джош?

– Целиком и полностью! Падчерица явилась в наш городишко, чтобы пристрелить собственного отчима? Нет, в такое не поверит ни один судья!

Шутит, отмечает Рут. Ну, как умеет.

Этого парня следует взять на заметку. Бандиты легче легкого становятся шерифами, оставаясь бандитами. Ласковые да благодарные, они стреляют в спину, потому что в лицо боятся. Вторая встреча в одном городе? В одном и том же салуне? Рут не любит совпадений. Всякий, избравший ту же судьбу, что и она, знает: случайные совпадения редко бывают случайны.

Взгляд шансфайтера. Талант шансфайтера.

Слушая вполуха болтовню парня, Рут Шиммер смотрит на помощника шерифа. Смотрит так, как умеет. Так, словно намерена без промедления выхватить «Молнию» из кобуры и стрелять на поражение. Впервые в жизни она смотрит так, будто вот-вот выстрелит, не собираясь стрелять.

«Вы не поверите, мисс Шиммер, но перед вами другой человек...»

Мистер Редман больше не похож на схему разделки коровьей туши. Нет областей: светлых, красных, темных. Нет песка и пепла, розы и пурпура, раннего вечера и поздней ночи. В контуре, обозначающем границы мистера Редмана, которого друзья зовут Джошем, кипит чистая белизна. Катятся снежные волны, искрят, слепят взор. Ни единого пятна темнее парного молока из-под коровы.

Захоти Рут пальнуть из «Молнии» – не нашла бы куда.

– Что с вами, Рут? У вас такой вид, будто вы увидели привидение.

– Ничего. Все в порядке.

– Знаете, что я вам скажу? Это покажется странным, но вы тоже не слишком-то изменились со дня нашего знакомства. Я часто вспоминал о вас, представлял, как вы стоите тут с револьвером...

Джош наклонился вперед:

– И вот сейчас я вижу: вы точно такая же, какой были.

Лжет, подумала Рут. Или не лжет.

Это смотря о чем он говорит.

На улице она перебрала воспоминания, как нищий – мелочь. Чистая, ослепительная белизна. Ни одного темного пятна. Что-то еще? Она что-то упустила?

Тень.

Зыбкая тень рядом с помощником шерифа.

«Вы не поверите, мисс Шиммер, но перед вами другой человек...»

Другой, не другой, думает Рут. Джошуа Редман, кем бы ты ни стал, ты по-прежнему терпеть не можешь одиночества. Душа общества, миляга-парень, улыбка до ушей. Кто поверит, что тебе жизни нет без своего воображаемого друга?

«Не трать патроны зря, – шепнул дядя Том. – Пустое дело, девочка.»

Иногда Рут думала, что и ей неплохо было бы обзавестись воображаемым другом. Кем-то вроде дяди Тома. Вот уже девять лет и три месяца покойный Томас Шиммер мог быть ей только воображаемым другом.

Одиночество не снаружи. Оно внутри.

2

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

– Давно рванул на закат?

Шаткий стул издает жалобный стон. Вздрагивает стол: Сэм Грэйв с размаху грохает на него кружку пива. Шапка пены сползает на столешницу.

– Шутишь? Только начал.

– Врешь!

– Вторую пью! Господь свидетель, вторую...

Джош салютует приятелю початой кружкой.

– Догоню, – рокочет Сэм. – Не уйдешь. Понеслась!

И ревет, как бугай весной:

– Лиззи! Пивка старику Сэмми!

Этот догонит, сэр! Не извольте сомневаться! Неужели вы хотите, чтобы слуги закона трудились в поте лица, умирая от жажды? Стыдитесь! А лучше присядьте рядом, скоротайте вечерок. Видите, тут даже плевательницы есть. Приличное заведение, сэр!

И, кстати, не пивом единым...

– Лиззи, дорогуша! Кукурузки нам! Жареной с солью!

Сэм в доле:

– На двух бизонов! И бобов с подливой.

После ухода мисс Шиммер народ как с цепи сорвался. Валит в «Белую лошадь» толпой. Дробный перестук игральных костей. Шлепки карт. Стрекот рулетки. Закрывать глаза, прислушаться, так не салун, а летний луг. Топочут жеребят, стрекочут цикады, шлепает лапами пес, вымокший в ручье.

А накурено-то! Нет, не луг. Труба паровоза.

– Ставок больше нет!

Бутылка звякает о край стакана. Булькает виски. Гул голосов вздымается к потолку, забивает уши щекотным бормотанием. Фигуры завсегдатаев, как моряки с разбитого корабля, тонут в пластах табачного дыма. словно тут палили из дюжины стволов! Джош достает заранее свернутую самокрутку. Сэм – дешевую коричневую сигарку. Сует в рот: точь-в-точь палец прикусил! Чиркает спичкой, наклоняется через

стол, дает прикурить.

– Дерьмо какое-то, Джош. Богом клянусь, дерьмо.

– Что? Где?

– Чертова куча дерьма, говорю. Нюхом чую.

Джош кашляет: дым встал поперек горла. И это говорит Сэм Грэйв, самый счастливый человек на свете?! Сэм по-прежнему улыбается, но в глазах Сэма нет и тени веселья. И ноздри раздуваются, как у бродячего пса, почуявшего опасность.

– Ты о чем?

– Оглянись. Разуи глаза. Прочисти уши.

– Что тут смотреть? Что слушать?

Сэм молчит.

Лиззи приносит заказ. Джош хрустит соленой кукурузой. Ладно, думает он. Хорошо, я смотрю. Слушаю. Дурацкое занятие, но раз тебе приспичило...

Сэм не мешает. Курит, ждет.

– ...переселенцев на дороге грабанули.

– Второй раз за неделю!

– На ферму к Стоксонам навевывались. Стоксоны их свинцом угостили. Так эти, когда удирали, кричали, что ферму спалят!

– Совсем обнаглели!

– Куда шериф смотрит?!

– Я из дома без дробовика ни ногой!

– Револьвер купи. А лучше винчестер.

- Как по мне, заряд картечи в пузо...
- Ты пока свой дробовик достанешь...
- Проверим?

Скребут по полу отодвигаемые стулья.

- Эй, вы там!
- Прекратить!
- С ума посходили?
- Убрали стволы! Убрали, я сказал!

Револьвер Сэма остается в кобуре. Джош едва сдерживается, чтоб не достать свой: ладонь нашаривает рукоять. Два мордатых бородача, похожих, как братья – братья и есть! – оторопело таращатся на помощников шерифа.

- Да мы что...
- Мы ничего...
- Мы просто...

Уставились друг на друга:

- И правда, Гил. Что это на нас нашло?
- Не знаю, Фрэнк.
- Прости, погорячился...
- Да ну тебя...
- Угомонились?
- Да, сэр!
- Все в порядке, Малыш!
- Бес попутал!
- Помрачение нашло...

Драчуны возвращаются за стол. Ладони они держат по-

дальше от оружия. Будто бояться, что оно само прыгнет им в руки.

– Видел? – спрашивает Сэм.

Ответить Джошу не дают.

– Сучий потрох!

– Я тебе покажу, как мухлевать!

Движение смутных фигур. В табачном дыму, в дальнем конце салуна. Не сговариваясь, Джош с Сэмом спешат туда, лавируют меж столами. Кого-то толкают, кому-то наступают на ногу. Льется на пол пиво из опрокинутых кружек. В спины хлещет грязная брань.

И это «Белая лошадь»? Даже в «У Счастливого Джо» не каждый вечер такое случается! Прав был Сэм: чертова куча дерьма!

Возле карточного стола – свалка. С полдюжины человек яростно дубасят седьмого, лежащего на полу. Толкаются, мешают друг другу. Один, не сумев добраться до хрипящей жертвы, от души дает по зубам набегающему верзиле. Верзила стремился присоединиться к расправе; вот, присоединился. Люди вскакивают из-за столов. Кто-то схватился за револьвер...

Оглушительный грохот выстрела.

Отдача дергает руку. Дикий визг шлюхи со второго этажа. Туда, в потолок, ушла пуля. На миг Джош замирает от беспочвенного страха. Чудится: вот сейчас с металлическим звоном лопнет трос. Тяжеленная люстра качнется

убийственным маятником...

Всё замирает вместе с Джошуа Редманом. Ничего не происходит.

Вообще ничего.

– Прекратить!

Миг, другой. С неохотой распадается куча малá. На четвереньках люди ползут прочь, встают на ноги, отряхиваются. Моргают, утирают пот. Один лежит на полу: скорчился, прижал руки к лицу, колени подтянул к животу.

Жалобно скулит.

Жив, уверяется Джош.

3

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

«Универсальный магазин Фостера».

Витрина вымыта до блеска, товар купается в вечерних сумерках. Охотничьи ножи. Фарфор из Англии. Стопка жестяных мисок. Фальшивое столовое серебро. Зубной порошок за четвертак. Шкатулка с нитками и иглами. Сапоги из воловьей кожи. Портняжные ножницы.

Два манекена: дама и джентльмен. Шляпка с перьями. Шляпа-котелок, как у фотографа провинциальной газеты. Рут представляет себя в модной шляпке. Дергает щекой: у нее это обозначает улыбку.

Идет дальше.

Ривер-роуд. Гранд-Отель.

Холл. Стенные панели из мореного дуба. Тканые обои с узором. В углах под потолком – ажур паутины. Пол следовало бы вымыть. За конторкой – молодой человек в черном костюме гробовщика. На носу очки, в руке – записная книжка в сафьяновом переплете.

Должно быть, сын владельца.

– Комнату, мэм? Есть свободные на первом этаже.

– Где остановился мистер Пирс?

– А-а, – улыбка гаснет. В Рут больше не видят клиентку. – Второй этаж, номер сорок пять.

Лестница. Скрип ступеней. Точеные перила. На площадке между первым и вторым этажами скучает мужчина хрупкого телосложения. Шляпа с узкими полями надвинута на лоб. Из-под шляпы блестят глаза: живые и цепкие.

Одет мужчина как джентльмен. Поизносившийся джентльмен, мысленно уточняет Рут. Швы засалены, ткань вытерта. На сюртуке видна умелая штопка. Вместо шейного платка – витой шнурок с серебряной пряжкой. На пряжке бирюза.

– Это вы спрашивали мистера Пирса, мэм?

Рут молчит. Смотрит.

– По какому делу?

Рут молчит. Она знает таких хрупких. К несчастью, они бывают очень быстрыми. Ответить? Объясниться? Уйти? Не надо было соглашаться на эту встречу. Следовало отказать

сразу.

Зачем она провоцирует хрупкого?!

– Вы, должно быть, мисс Шиммер, – джентльмен освобождает дорогу. Он невозмутим, как если бы Рут ответила на все его вопросы. – Мистер Пирс предупредил меня о вас. Я думал, вы зайдете еще до полудня.

Значит, предупредил. Ясно, почему хрупкий не вскипел. «У моей падчерицы скверный характер, дружище! Если зайдет тощая крокодилица и станет пучить на тебя зенки, не спускай ее с лестницы. Полагаюсь на твою выдержку...»

– Проходите, мистер Пирс ждет вас. Постучите в дверь, прежде чем войти. Мистер Пирс может быть не одет.

– У него женщина?

Язвительность Рут пропадает втуне:

– Нет, он один. Мистер Пирс принимал ванну с дороги.

Когда отчим приехал в Элмер-Крик? Позавчера, сказал Джошуа Редман. И все это время плещется в ванне? Пожалуй, перебор. Или выдумка хрупкого, опасавшегося, что Рут войдет без стука.

– Ничего личного, – говорит хрупкий ей вслед. – Работа.

Коридор. Обои в цветочек. Светильники на стенах. Дверь. Цифры из бронзы: сорок пять. Хороший калибр, убедительный.

– Пирс? – Рут входит без стука.

Детский вызов, нелепый. Ей стыдно, кровь стучит в висках. Почему присутствие отчима – да что там! Одно упоми-

вание о нем! – превращает Рут Шиммер в тупицу, доверху наполненную бессмысленной дерзостью?

«Потому что ты винишь его в смерти отца, – отвечает дядя Том. Случалось, Рут донимала дядюшку запоздалым раскаянием. Сперва честила отчима на все корки, проклинала, грозилась, что убьет мерзавца при первой же возможности, а после каялась, глотая слезы. – Он не виноват, но ты глуха к доводам разума.»

– Ты уже помылся?

– Рут, девочка моя!

Вот уж не девочка, злится Рут. И не твоя.

Отчим распахивает объятия ей навстречу. Этим он и ограничивается, понимая, что обниматься с ним не входит в планы Рут. Бенджамен Пирс похож на благородного льва с книжной иллюстрации. Пышная грива волной зачесана назад. Борода аккуратно подстрижена. Бакенбарды шире, чем полагалось бы при такой бороде. В гриве ни единого седого волоска. Иней тронул лишь бороду по обе стороны подбородка.

Широкие плечи. Длинные ноги.

Рут вспоминает помощника шерифа. Теперь ясно, почему Джошуа Редман не понравился ей хоть при первой встрече, хоть при второй. Рут не любит красивых мужчин. Рут не любит мужчин, которые выглядят младше своих лет. Дядя Том был красив, но это совсем другое дело. Исключение. И выглядел он на все свои годы, без скидки и снисхождения.

«Это потому, детка, – слышит Рут голос дяди Тома, – что ты выглядишь старше своих лет. Это потому что ты не слишком хороша собой, в особенности, когда смотришь волком. А еще это потому что твоя мать, овдовев, вышла замуж за мистера Пирса. Ты ведь хотела, чтобы она вечно омывала слезами могилу первого мужа? Тебе надо пересмотреть свои взгляды, детка. Ты превращаешься в отвратительную брюзгу. Злобная карга с парой дружков-револьверов, вот кто ты.»

После смерти дядя Том режет правду-матку без стеснения. При жизни он был сдержанней. Он – да, зато Рут никогда не отличалась сдержанностью.

4

Рут Шиммер по прозвищу Шеф (четырнадцать лет назад)

Когда мать сообщила дочери, что выходит за Бенджамена Пирса, Рут закатила натуральную истерику.

В шестнадцать лет второй брак матери – предательство. Оно вопиет к престолу Господню. Твой отец погиб; ты видела, как это случилось. Да, ты видела трагедию не до самого финала. Тебя пинком вышвырнули из зрительного зала в конце пятого акта. Но признайся: тебе хватило с лихвой. Твой отец – герой. Ты уверена, что будешь оплакивать его до тех пор, пока небо не упадет на землю. Ты ждешь от матери

скорби в десятикратном размере. И вдруг – через месяц свадьба, в усадьбу съедутся гости, я заказала тебе новое платье, дитя мое.

У тебя вырвали сердце и скормили собакам.

«И башмаков еще не износила, – кричала Рут матери. Под ногами хрустела битая посуда, – в которых шла за гробом мужа! Как бедная вдова, в слезах... О боже! Как можно сравнить этих двоих? Феб и сатир!»

«Книжное дитя, – мать внезапно успокоилась. Встала у окна, спиной к дочери. – Бумажная ярость, чернильное бешенство. Чужие слова кажутся тебе ярче? Обидней?»

Она тоже читала «Гамлета».

«Что ты знаешь о жизни, принцесса датская? Книжки, рояль, ужин в шесть часов. Лошадка в конюшне. Цветы в оранжерее. Одно-единственное потрясение? Это не в счет. Характер формируется годами, милочка.»

Рут чуть не ударила мать. И ужаснулась этому порыву.

«Бенджамен любил меня, когда я еще не вышла за твоего отца. Любил все время моего замужества. Любит и сейчас, когда пришел его час. Это преступление?»

Ровный голос миссис Шиммер хлестал плетью:

«Мой первый брак – плод договоренности наших родителей, семей Шиммер и МакГрегор. Сделка, не более чем сделка. МакГрегоры богачи, Шиммер – аристократы. Так сводят жеребца и кобылу, желая получить отличное потомство. Я была верна твоему отцу. Родила ему тебя. Пыталась родить

сына, дважды сбрасывала плод. Кто вправе требовать большего?! Уж не ты, во всяком случае. Вернись к себе, умойся, причешись. Хорошенько подумай над моими словами. И когда поймешь, что я права, возвращайся. Я приму твои извинения.»

Извинения не были приняты. Через час, выбежав на крыльцо, безутешная вдова, она же счастливая невеста, услышала только стук копыт за поворотом.

– Стой! Вернись!

Эллен Шиммер, в скором времени Эллен Пирс, и помыслить не могла, что дочь рискнет сесть в седло. Сейчас? После всех трагических событий? Когда левая нога Рут только-только срослась после перелома?!

На миг Эллен показалось, что там, где грохочут копыта, скачет вовсе не ее дочь, а другой, незнакомый Эллен человек. Человек, которого следует бояться.

Возможно, так оно и было.

Глава четвертая

Кто-то хочет крови. – Опасная женщина. – Сапоги разъездного агента. – К аду нельзя привыкнуть. – Из искры возгорится пламя. – Есть сердце, есть!

1

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

Мужчины отворачиваются. Старательно высматривают что-то на полу у себя под ногами. Будто все по доллару потеряли! Некоторые пятятся, норовят укрыться за чужими спинами. Джошуа держит в руке дымящийся револьвер, даже не опустив ствол. Когда он это замечает, то убирает оружие в кобуру.

Что с ними? Человека с револьвером не видели? Обитателей Элмер-Крик таким зрелищем не проймешь.

– Какого черта?!

– Он мухлевал!

Кричит здоровяк в кожаной жилетке поверх мятой фланелевой рубахи. Дик Стоуни, возница дилижанса. От Дика на десять ярдов разит ядреным букетом: пот конский и мужской, перегар, табак и полынь.

А пуще всего – злость.

– Точно!

– Мало ему вломили!

– Вы идиоты? – вкрадчиво интересуется Джошуа Редман.

Гомон стихает.

– Он шулер?

– Да!

– Вы знаете, что он шулер?

– Да!!!

– И зная это, вы садитесь с ним играть?

Тишина. Унылое сопение.

– Вы поймали его за руку?

Сопение. Тишина.

– Поймаете с поличным – тащите к шерифу. Ко мне, к Сэму, к любому из помощников. Но самосуда я не допущу!

Джош оборачивается к шулеру:

– А ты играй так, чтобы к тебе не было претензий. Иначе в следующий раз, когда тебя начнут бить, я отвернусь и выйду из салуна.

Угрозу встречают одобрительным гулом. Напряжение, повисшее в воздухе, разряжается. Незадачливый шулер встает с пола. Лицо разбито в кровь; нос, похоже, сломан. Он хромотает, охает, держится за левый бок.

Короче, легко отделался.

Джош с Сэмом отводят пострадавшего на второй этаж, в его комнату. Над шулером начинает хлопотать Роза – та самая шлюха, чей визг чуть не вынес в салуне все стекла.

У лестницы Сэм придерживает Джоша за плечо:

– Ты в порядке?

– Как новенький дайм⁶! Не мне же рожу расквасили.

– Это ты своей рожой не видел. Я думал...

– Что ты думал?

– Ты и впрямь собрался по ним стрелять?

– Я?!

– У тебя был такой вид, будто ты хочешь крови.

Джош вздрагивает. Вспоминает, как от него пятились, опускали взгляды. Все, кроме Дика Стоуни. Дик на козлах седьмой год, в одиночку от банды Чета Стоуни – однофамильца! – отбил. Чтоб его испугать, одной жажды крови мало.

– Теперь понял? Дошло, о чем я?

– О дерьме? Чертовой куче дерьма?!

Сердце пляшет джигу. Я был на взводе, с опозданием сознает Джош. Хотел крови? Не верится, но Сэм зря болтать не станет...

– Ты же знаешь, я такую дрянью загодя чую, – Сэм хрустит пальцами, горбится. – Как мурашки по затылку, да. И ладони потеют. Значит, вот-вот...

Сэмово чутье не раз спасало их задницы. Когда от поляна по хребту, а когда и от свинцового гостинца. За минуту до дерьма – мурашки и потные ладони. Горела в Сэме такая искорка, а может, целый костерок. Джош втайне подозревал, что Сэм в свое время прикупил себе этих полезных искорок

⁶ Дайм (dime) – серебряная монета достоинством в 10 центов.

на все свободные деньги, но с вопросами к приятелю не лез. Мало ли, вдруг у Сэма бабка колдуньей была? Хотя почему «была»? Она и сейчас жива, бабка-то.

– Дерьмо, – повторяет Сэм. В его исполнении грязное слово теряет смысл и приобретает новый, куда более неприятный. – Кто-то взял лопату жидкого коровьего навоза – здоровенную такую лопату!..

– И что?

– И швырнул во всех без разбору.

– Оно уже закончилось?

Глаза Сэма делаются пустые, стеклянные, как у мертвеца. Он широко раздувает ноздри, словно и впрямь принюхивается к вони.

– А черт его разберет! Я чую, только когда начинается. Потом нюх отбивает. Что там, внизу?

– Вроде, все спокойно.

– Ну и хорошо.

Перегнувшись через перила, они смотрят вниз. Там кружатся осенние листья в пруду: шляпы, лысины, шевелюры клиентов. Расцветки на любой вкус: лен, уголь, ржавчина, соль с перцем, благородное серебро. Часть выпивох осела за столами. Другие не находят себе места. Гомон, шум, дым. Ругань. Стрекочет рулетка. Бренчит тапер.

Никто не спешит вцепиться соседу в глотку.

– Сэму нужно отлить! – лицо Грэйва расцветает прежней улыбкой. – Стереги наш стол, дружище. Мы еще не закончи-

ли войну с пивом.

– Постерегу.

– Ну и речугу ты задвинул! Я прям заслушался! В шерифы собрался?

– Иди к черту.

– Точно, в шерифы. Нет, в мэры!

– Сплюнь! Сглазишь мне всю карьеру!

– Я-то сплуну. А ты уж не забудь старого приятеля!

За их столом обнаруживается плюгавый типчик в куртке, знававшей лучшие времена. Прохвост наладился опустошить Сэмову кружку.

– Пошел вон, бездельник!

Бездельник, не пререкаясь, идет вон. Можно сказать, бежит вон. Его сменяет тахтон: ангел-хранитель выныривает из табачного облака, с деловым видом располагается на опустевшем стуле.

«Она меня видела.»

– Кто?!

«Эта женщина.»

– Мисс Шиммер?

«Эта опасная женщина.»

– Чепуха! Тебя никто не видит!

«Она видела. Смотрела. Они так смотрят перед тем, как

выстрелить.»

– Она собиралась в меня стрелять?!

«Не знаю. Возможно.»

– Из шансера?!

«Да.»

– Она не собиралась стрелять, – Джош вспоминает разговор с Рут Шиммер. Ее слова, жесты, взгляд. – У нее руки на столе лежали. Да и зачем ей?

«Она думала, ты цель. Не видела тебя-цель. Видела: некуда стрелять. Видела меня.»

– Я-цель? Она не видела меня, как цель? Ты закончил мою переделку?!

«Да. Ты готов.»

– Это только она теперь не может стрелять в меня из шансера?

«Все. Никто.»

– Ха! Вот вам всем! Отдохлого осла уши вам, а не Джошуа Редмана! А из обычного оружия?

«Да.»

– Что – да?!

«Могут. Она меня видела.»

– А даже если видела? – Джошу интересно, как мисс Шиммер управляется с сорок пятым. Но он быстро понимает, что совсем не хочет этого выяснять. – Что с того?

«Плохо. Очень плохо. Опасная женщина.»

– Все стрелки опасны. Шансфайтеры в особенности.

Джош снова вспоминает разговор с Рут Шиммер. Увидь женщина тахтона, она бы вздрогнула? Удивилась? Осеклась посреди разговора? Нет, ничего такого не было.

– Успокойся. Она не собирается со мной стреляться. А я не собираюсь ее провоцировать.

«Опасная женщина. От нее нужно избавиться.»

– Ну уж нет! Ты еще помнишь, что я помощник шерифа, а не бандит?

Тахтон растворяется в табачном дыму.

В дверях объявляется Сэм. Пока он идет через салун, в мозгу Джоша проносится целый вихрь мыслей. Она собиралась в меня стрелять? Она не собиралась в меня стрелять? Она видела моего тахтона! Никто не видит моего тахтона! Неужели тахтон врет? Он никогда не врет.

Не врал раньше.

«Опасная женщина. От нее нужно избавиться.»

Ерунда, отвечает Джош тахтону. Слышит тот Джоша, не слышит – неважно. Ерунда, с чего это тебе бояться мисс Шиммер? Ты – призрак, тебе ничего не страшно.

Сэм вытирает тряпкой кровь с кулака.

– Что у тебя с рукой?

Сэм кривит рот:

– На улице старик Каллахан собаку избивал. Чуть не убил.

– Она его покусала?

– Кто, Душечка? Милейшая псина. Она и индейца не укусит!

– А ты что?

– Дал ему в зубы. Придурок пьяный! Слов не понимал, в драку лез.

И подводит итог:

– Сам нарвался.

«Кто-то взял лопату жидкого коровьего навоза – здоровенную такую лопату! – и швырнул во всех без разбору...»

Шансфайтер, думает Джош. Вот к «Белой лошади» подходит свихнувшийся шансфайтер. Такие бывают? Допустим, бывают. Встает напротив дверей, палит из шансера. Из дробовика-шансера. Чертова прорва несчастных случаев, проклятий, «черных полос». Чем там еще они стреляют? Бах! Чертова прорва, в кого попало, без разбора.

Меня тоже зацепило.

Меня зацепило, но тахтон сказал: я больше не цель.

Зубастый червячок сомнения вгрызается в душу. Прокладывает ход за ходом. Растет, жиреет. «Мне это не нравится, – говорит себе Джошуа Редман. – Будь я проклят, если мне это хоть в чем-то нравится!»

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

– Ты устала? Садись, вот кресло!

Рут стоит.

Ее с Пирсом разделяет лохань с остывшей водой, в которой Пирс принимал ванну. На полу вокруг лохани мокрые пятна. Два человека, два материка, разделенные морем.

– Эллиен скучает, – отчим разводит руками. Наверное, хочет показать, как сильно скучает мать Рут. – Зовет тебя переехать к нам, осесть на одном месте. Спрашивает, когда же ты наконец остепенишься.

– Кого спрашивает? Меня?

– Господа, должно быть. Ты все равно не ответишь.

Он прав.

Рут одергивает пыльник, хотя в этом нет нужды.

– Что ты делаешь в Элмер-Крик, Пирс? И что здесь делаю я? Зачем ты попросил меня приехать?

Зачем я приехала, спрашивает Рут себя. И не знает ответа.

– Я хочу нанять тебя, девочка.

– Нанять? В каком качестве?

– А в каком качестве тебя обычно нанимают? Чем я хуже любого другого нанимателя?

Всем, хочет ответить Рут. Чем? Всем.

– Чепуха, – вместо этого говорит она. – Полная чушь.

– А если не чепуха?

– Кто-то угрожает тебе? Найми охрану. Я имею в виду обычную охрану. Вроде того стрелка, что стоит на лестнице.

– Красавчик Дэйв? Его я уже нанял. Теперь очередь за тобой.

– Я шансфайтер.

– Да ну? Ты просто открыла мне глаза.

– Ты знаешь, за кем я охочусь. И кого охраняю, тоже знаешь. Только не ври мне, что снова обул сапоги разъездного агента! Ты уже давно не дилер, ты заправляешь в конторе.

Пирс садится в кресло, которое еще недавно предлагал Рут. Берет со стола жестянку «Chesterfield» с фабричными самокрутками, достает одну. Прикуривает, пускает клуб дыма. Жестом предлагает Рут угоститься; пожимает плечами, когда та отказывается.

У Рут возникает странное ощущение. Ей кажется, что Пирс курит не табак, а время. Говорят, умелый мастер сворачивает четыре таких самокрутки за минуту. Пятнадцать секунд сгорают в пламени, в опасной близости от рта Бенджамена Пирса.

– Я заправляю в конторе. Но сейчас я обул сапоги разъездного агента. Я выехал за искрами, девочка. Светит крупный куш, я хочу, чтобы ты охраняла меня.

Искры, искры, искорки.

Никто из ныне живущих не помнит те времена, когда родились первые дети с искрами. Божье благословение, метка дьявола, каприз природы – поколения сменились со дня начала. Христофор Колумб зашел в бухту Барией, Америго Веспуччи – в залив Маракайбо, Жак Картье прибыл на остров Ньюфаундленд, а в мире повсюду уже рождались дети, в которых горела крошечная, но вполне различимая искра.

Хуан Ортега из Мадрида взглядом мог поднять перышко. Только перышко, ничего тяжелее пера. Ли Фу из Бэйцзина наливал воду из кувшина в чашку – и струйка меняла направление без видимой причины. Текла вниз, потом вдруг загибалась кверху смешным фонтанчиком. Ты моргнул, а вода уже вернулась к своему естественному току. Альбер Бенаквиста из Шуази-ле-Руа мог поднять отцу, матери, другу – кому угодно! – температуру тела. На три сотых градуса, может быть, даже меньше. Отец, мать, друг не замечали перемен, но факт оставался фактом.

Алешка Сотников из Рязани дыханием зажигал лучину. Фатима из Самарканда брала в руки розу, накальвала палец о шип – и лепестки меняли цвет на более темный.

Примеры множились, дети рождались.

Священнослужители, как бы ни звали они своего бога, не

успели определиться, по чьему ведомству проходят носители искр. Споры длились, зажглись и погасли костры, встали и разрушились алтари. Но было поздно: сперва искрящая дедтвора была в меньшинстве, потом вышла вровень с остальными, далее – большинство, подавляющее большинство. В конце концов каждый ребенок появлялся на свет, неся в себе ту или иную искру.

Дети выросли. У них родились свои дети.

Искры стали обыденностью.

Чепуха, не стоящая внимания. Искру не к чему было приспособить, так слабо она горела. Искру нельзя было объявить вне закона, как нельзя сделать преступлением наличие носа или ушей. Малыши играли со своими искрами, хвастаясь перед сверстниками. Подростки не видели в искрах ничего такого, что могло бы принести пользу или помочь выделиться. Взрослые забывали о своих искрах в суете дел, забывали и не вспоминали даже на смертном одре.

История сохранила имя: Ян Голуб из Праги. Пьяница, умирающий от желания опохмелиться, он предложил кабатчику Новаку купить у него искру. Новак, человек с оригинальным чувством юмора, согласился, но потребовал оформить все по закону. Позвали стряпчего, поставили подписи под договором купли и продажи. Ян Голуб получил две кружки темного пива, каковые выпил и захотел еще. Кабатчик налил ему третью – не из щедрости, а скорее от удивления.

Только что Новак выяснил, что помимо его собственной искры, которую он получил при рождении, в нем горит купленная искра Голуба. Сам же Голуб свою искру утратил, к чему остался равнодушен чуть более, чем полностью.

Позднее завсегда таи кабачка утверждали, что Новак установил таксу: кружка за искру. Скупка продолжилась, от желающих отбою не было. Дела у Новака шли лучше лучшего, и не только потому что в кабачок валили желающие продать искру. Вместе с ними шли зрители, зеваки, сочувствующие и насмешники; шли и брали выпивку с закуской, ибо что еще брать в кабачке?

Когда Новак умер, он оставил сыну такое наследство, что объяснить его одним притоком зевак было невозможно. Все, куда вкладывал деньги ушлый кабатчик, процветало. Обстоятельства складывались наилучшим образом – и нашелся кто-то, кто сопоставил удачу в делах с приобретением бессмысленных, ничтожных, забавных искорок сверх отведенного природой.

Одна ли Прага? В мире появился новый товар.

Скупка искр стала делом обычным. Большинство продавало, меньшинство покупало. Отнять искру силой, забрать без спросу было невозможно – купля-продажа, завещание, дарение. Ничего противозаконного. Хуан Ортега из Мадрида не мог больше взглядом поднять перышко. Струйка из кувшина Ли Фу теперь лилась только вниз, без дурацких причуд. Альбер Бенаквиста из Шуази-ле-Руа лишился спо-

способности поднимать чужую температуру тела на три сотых градуса. Зато почтенные дон Мануэль Риера, Сунь Лэтянь, Франсуа Кабаре и прочие хозяева заводов и фабрик, земельных угодий и конских табунов, финансовых учреждений и торговых флотилий – короче, владельцы больших пакетов искр вступили в борьбу друг с другом, поскольку чрезмерная удача одних натолкнулась на чрезмерную удачу других.

В целом, мало что изменилось. Просто ставки выросли.

Новый Свет не стал исключением. От верховий Миссури до засушливой равнины Чиуауа, от предгорий Аппалач до разлома Сан-Андреас – везде находились желающие продать бесполезную искру за горсть звонких монет. «Из искры возгорится пламя⁷,» – сказал по этому поводу Агапий Гончаренко, издатель газеты «Alaska Herald», сбежавший в Сан-Франциско от преследований российской охраны. Ковбои и охотники, плотники и кузнецы, нищие фермеры и семьи разорившихся ранчеров, жители малолюдных городков, индейцы, мечтающие о бутылке огненной воды – да кто угодно! – все ждали, когда в их края забредет разъездной агент, скупающий искры для фабриканта, банкира, мэра или сенатора.

Спарк-дилер⁸.

Случалось, обходились без агента.

⁷ Цитата из стихотворения А. И. Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...»

⁸ Искра – spark (англ.). Скупщик искр – спарк-дилер (spark-dealer).

«Горела в Сэме такая искорка, – донеслось из салуна, где помощники шерифа толковали о чутье и лопатах с дерьмом, – а может, целый костерок. Я втайне подозревал, что Сэм в свое время прикупил себе этих полезных искорок на все свободные деньги, но с вопросами к приятелю не лез. Мало ли...»

Эхо чужих мыслей пропало даром. Никто в Гранд-Отеле его не услышал. Не горело в них такое пламя.

3

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

К аду нельзя привыкнуть, говаривал преподобный Элайджа. Джош мог бы возразить преподобному, возразить предметно, со знанием дела. Но Джошуа Редман считал за лучшее помалкивать.

Ад был таким же, как обычно, и в то же время иным. Так случалось всякий раз, когда Джош сюда попадал. В то же время? Насчет последнего Джош не был уверен. Со временем в аду творились чудеса.

«Пусть нечестивые постыдятся и, онемев, сойдут в ад...»

Сказать по правде, адом он называл это место просто за неимением другого слова. Котлы с кипящей смолой? Раскаленные сковородки? Корчи вопящих грешников? Хохот рогатых чертей? Ничего этого здесь не было. Были обитатели, но Джош все не мог решить, кем их считать: чертями или

грешниками? Теми и другими сразу?

Ни теми, ни другими?

О том, что это родина тахтона, догадался бы и ребенок. Да и тахтон не стал отрицать, когда Джош спросил его в лоб.

Адское пламя? Вот что да, то да.

Пламя было нестрашное, скорее забавное. Представьте себе воздух, сэр, густой и плотный. Он пронизан едва различимыми нитями: голубыми, оранжевыми, сиреневыми. В нем плавают охристые и багровые сгустки. Одни с шипением гаснут, плюясь каплями искр. Другие разгораются, обрастают слепящей бахромой. Самые шаловливые опускаются на выпуклые крыши пятиугольных строений, прикидываются газовыми фонарями. Иные мячиками катаются по земле, фырчат будто коты.

Представили, сэр? У вас живое воображение.

Сегодня каждый третий огонь приобрел нездоровый пунцовый цвет. Их била мелкая дрожь, словно бедняги подхватили лихорадку.

Бесплотный призрак, Джош плыл по лабиринту пятиугольных построек. Все вокруг было сложено из блестящего сланца, который подозрительно напоминал металл. Меж домами, концами уходя в стены, висели и гудели электрические дуги. В Майн-Сити Джошу довелось повидать угольные дуговые лампы. Дуги побольше соединяли крыши удаленных домов, горбатыми мостами возносились вверх на добрую сотню футов. Или выше? Расстояния здесь обманыва-

ли, как и время. Над ними в свою очередь вздымались еще бóльшие дуги. Еще, еще! – до самых небес угольного цвета.

Небеса подпирала совсем уж исполины – от горизонта до горизонта. Их размеры Джош боялся даже представить.

Адские насельники в целом напоминали людей. Две руки, две ноги, голова. Хвоста нет, рогов тоже. Фигуры лентяй-плотник тесал: грубые, угловатые. Двигаются плавно: не идут, а будто в воде плывут. Когда надо – быстрее быстрого, глазом едва уследишь.

Тахтон Джоша был на них не похож. И не потому что он – призрак, а эти – из плоти и крови (*есть ли у них кровь?*). Всем своим обликом, за вычетом призрачной бестелесности, тахтон походил на обычного человека, на самого Джоша, а не на этих удивительных созданий.

– Кто они? – спросил Джош, пересказав тахтону свой первый сон.

«Тахтоны.»

– Как ты?!

«Да.»

Ничего общего, подумал Джош. Впрочем, ангелу-хранителю виднее. Пусть будут тахтоны, жалко нам, что ли? Люди тоже разные бывают: белые, черные, краснокожие. Карлики, уроды всякие. Женщина с бородой. Может, и его тахтон таким уродился?

Урод по адским меркам?

Все местные обитатели были заняты делом. Вот один

нанизал себя на электрическую дугу, пересекавшую игольно-узкий проулок. Дуга вошла туземцу в грудь и вышла из спины, сменив цвет с лимонной желтизны на морскую лазурь. Несчастный (*счастливым?*) крестом раскинул руки. Зашевелил корявыми пальцами, будто тапер в салуне, наматывая искрящие нити (*струны?*). Когда те натянулись, а воздух загустел киселем, туземец от души пнул ногой стену дома. Раздался хрустальный звон. Дом встряхнулся, словно разбуженный пес, и принялся расти. Сделался выше на фут, на два, на три...

Мимо пробежали трое детей (*детей?*), перебрасываясь разноцветными шариками. Один сунул красный шарик в рот, с хрустом раскусил. С неба раздалось довольное кудахтанье.

На крыше рядком сидели три женщины – близнецы. При виде их у Джошуа засосало под ложечкой, и это значило, что перед ним дамы преклонного возраста. Старухи ткали полотна – каждая свое, с особенным, неповторимым орнаментом.

Двое рослых тахтонов тащили пупырчатый ящик с ручками, полный хитрых загогулин. Ящик упирался, выпускал щупальца, хватался за землю. Часть загогулин мерцала, другие оставались темными. Однажды Джош видел, как Кузнец делал именно такие штуки.

Интересно, чем Кузнец занят сейчас? И как его найти?

Город – если это был город – менялся от раза к разу. Даже

оказавшись в месте, знакомом по предыдущим снам, Джош путался, терялся, не находил дороги.

А потом на него накатывало, как сейчас.

Все сделалось понятным, родным. Аж сердце защемило! (*У него есть сердце?*) Если город неизменен, город – падаль, мертвечина. Живой город постоянно меняется, как же иначе? Три уважаемые *савты* на крыше? Они заняты важным делом: плетут Сети Охранения, удерживают хаос мира в среднем состоянии.

Дети, нырявшие в дымный ручей и не выныривавшие из него, вызывали умиление и легкую зависть взрослого. Ах, беззаботное детство! Нырнуть бы вот так же в щекочущие теплые струи, чтобы мигом раньше возникнуть на другом конце города. А поймашь изумрудную струю – окажешься на поле топтунов, где вкусняшки, старательно затоптанные в черный пепел, вспыхивают прямо у тебя во рту.

Он видел мир глазами тахтона.

Найти Кузнеца? Что может быть проще? Узор арок в небе. Малые нити судеб. Сочетание цветов. Дрожь, переплетение. Мерцание. Потяни за ниточку...

Отпустило.

Узнавание сгнуло, вернулось удивление.

За этот краткий миг Джош успел переместиться. Куда? Куда и желал. Это сон, напомнил он себе. Чего во сне не случится? Вот и Кузнец: коренастый, широкоплечий, темный, будто в копоти. Тусклые отблески металла на затылке и пред-

плечьях. Как и раньше, в кузнице отсутствовала одна стена – хоть что-то здесь не меняется! Встав к пустоте спиной, Кузнец охаживал диковинной коленчатой кувалдой пустую наковальню.

Или какую-то штуку, что лишь притворялась наковальней.

Сверху, сбоку. Наискось, крест-накрест. С хитрым подвывертом. Наковальня (*кто? что?!*) в ответ глухо охала, вздыхала, колыхалась мясным студнем. Кроме этого, никаких иных результатов работа Кузнецца не давала. Но Джош знал: в аду результат, случается, опережает действие. Он попятился, заглянул себе за спину – и на третьем шаге (*у меня есть ноги?*) увидел другую кузню, другого Кузнецца, словно отраженных в мутноватом зеркале. Здесь, в отражении, после каждого удара кувалды в кузне вспучивался пол, земляной бутон лопался – и извергал на поверхность шесть зеленых шаров величиной с яблоко. Шары с резвостью играющих щенят катились в дальний угол, взбирались друг на друга, укладываясь аккуратными пирамидками – и застывали без движения.

Таковыми же шариками, только красными, перебрасывались дети. Один, помнится, сунул шарик в рот, с хрустом раскусил...

Зеркальный Кузнец замер. Отражение поблекло, зарябило гладью пруда под порывом ветра. Беззвучно разлетелось острыми осколками льда, истаяло под лучами незримого

солнца. Джош обернулся – и успел увидеть, как с опозданием замирает настоящий Кузнец.

Ад расслоился. От зданий, предметов, тахтонов протянулись гирлянды плоских картинок-отражений: каждая – искаженная копия предыдущей. Тяжкий удар сотряс землю. Эхо, стон безутешного отчаяния, пустило трещины по темному, подпертому светящимися арками небосводу. Арки пришли в движение: провернулись, разошлись в стороны. Открыли в зените болезненный пролом – чернее угольных небес.

Громкий хлопок.

Гирлянды резко втянулись в тех, кто (*что?!*) их породил. Тахтоны окаменели в безмолвном крике. Рой искр вырвался из каждого распяленного рта – и устремился ввысь, в бездонный провал.

Сердце (*есть сердце, есть!*) сжалось в груди Джошуа Редмана. Накатали тоска, боль, горечь утраты, ужас, обреченность. Наполнили до краев, до черноты в глазах, до спазмов удушья. Достигли пика, схлынули. Джош понимал: это не его тоска, боль и ужас. Это тоска и боль гибнущего ада. Бездушные, мертвые фигуры окружили Джоша: дети, взрослые, старухи на крыше, Кузнец с кувалдой, воздетой над головой.

Миг длился вечность.

Второй миг, третий. Четверть мига.

Мертвецы, как по команде, пришли в движение. Что-то явилось, примчалось, прилетело стаяй стервятников на запах падали. Заняло опустевшие оболочки тахтонов.

Что-то? Кто-то?

Единый шаг сотен ног. Оглушительный гром. Небеса раскололись сеткой трещин-молний. От их блеска можно было ослепнуть.

Глава пятая

Имя моего отца. – Мазурка ля минор. – Танец веселого лодочника. – Секреты Роберта Шиммера. – Пожар на рассвете. – Хвост черного кота. – Желание помочь ближнему.

1

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

– Девочка, я знаю, что ты меня недолюбливаешь.

Пирс закуривает вторую сигарету:

– Видит бог, я ни разу в жизни не давал тебе повода к этому. Но сердцу не прикажешь. И тем не менее... Рут, я спаркдилер. Такой же, каким был твой родной отец. Ты откажешь мне в охране?

Рут поджаривают на медленном огне.

Разъездные агенты, скупившие большое количество искр, представляли собой немалую ценность. До того времени, пока они не вернутся в головной офис компании, чтобы перепродать накопленное владельцу фирмы или главе совета ди-

ректоров, спарк-дилеры частенько рисковали собой. Находились головорезы, которые силой захватывали агентов – и опять же силой добивались заключения сделки, согласно которой накопленный агентом запас искр передавался главарю банды за символическую плату.

Агент не имел права расходовать собранный пакет на личные нужды. Его баланс фортуны мало чем отличался от обычного. Бандиты ловко пользовались этим обстоятельством. Но и главари банд, те же печально известные Черный Барт или Мыльный Смит, редко тратили добычу на себя. Деньги есть деньги, а краденую удачу в карман не положишь. Во-первых, пользоваться «мешком искр» надо было уметь, иначе не выжать из него максимальную пользу. Финансист Энтони Дрексель, табачный магнат Филип Морис или король пластырей Роберт Вуд Джонсон – все они с детства учили своих сыновей распоряжаться пламенем, какое однажды перейдет в их собственность. Черного Барта этому искусству никто не учил. Перехватив «мешок искр» у спарк-дилера, Черный Барт, что называется, стриг ногти золотыми ножницами, не находя сокровищу достойного применения.

Чаще всего после ограбления агента бандит засылал гонца в контору фирмы, где служил спарк-дилер, и предлагал выкупить краденое у него – за сумму, какую считал соответствующей «мешку». Начинался торг, заключалась сделка.

Увы, колеса криминала смазываются кровью.

– Твой отец...

Клубится дым сигареты.

– Ему следовало быть осторожней, девочка. Я говорил ему об этом, но ты же знаешь, каким упрямым мог быть Роберт Шиммер! Ему следовало поступить так, как я поступаю сейчас. Я имею в виду, нанять охрану.

Рут делает шаг вперед.

– Роберт Шиммер, – повторяет она.

Лицо ее, окруженное космами сизого дыма, заставило бы вздрогнуть кого угодно. Кажется, что женщина вот-вот начнет стрелять, и не проклятиями, а свинцом.

– Я запрещаю тебе произносить имя моего отца. Меня можешь звать девочкой, мне плевать. Но если ты еще раз помянешь вслух Роберта Шиммера, которому ты что-то там говорил, а он, видите ли, упрявился...

– И что тогда будет? – интересуется отчим. В голосе Пирса нет подковырки или насмешки, он серьезен. – Ты меня пристрелишь?

Дура, говорит себе Рут. Ну почему рядом с ним ты всегда такая дура?!

*Рут Шиммер по прозвищу Шеф
(четырнадцать лет назад)*

Шопен.

Мазурка ля минор.

В доме пахнет свежим кофе.

Огромное окно с белыми рамами. За окном – дубовая аллея. По обе стороны от аллеи – сад с дорожками и клумбами. Бледно-голубое небо, темно-зеленая листва. Все было бы так, останься Рут в гостиной у рояля. Смотрела бы в окно, перебирая клавиши: дубы, небо, клумбы.

Запах кофе.

А так пахнет мятой травой.

– Рут, ты где?! Ох уж эта несносная девчонка...

И лишь топот копыт за воротами.

Бойкая Мэгги – воронья кобылка в белых чулках, подарок на пятнадцатилетие – шла ходко. Вскидывала голову, фыркала. Словно чуяла: папа вернулся. Ну хорошо, еще не вернулся. Не будем бежать впереди паровоза, как говорит папа, урезонивая буйную наследницу. Стала бы Рут встречать отца, рискуя неудовольствием матери, если бы Роберт Шиммер уже был дома? Нет уж, мы вернемся вместе, бок о бок. В присутствии отца мать сдержит гнев, не станет бранить папину любимицу. А может, станет, но кого это интересует?!

Луг.

Дорога вдоль реки.

– Давай, Мэгги! Прибавь!

Мэгги умница. Мэгги прибавляет.

Липовая роща на взгорье. Излучина. Вон и папа на своем гнедом Скандалисте. Кто это рядом с папой?

– Рут! Назад! Назад, кому сказано!

Почему назад?

Мэгги пляшет на месте. Мэгги сердита, ее раньше так никогда не осаживали. Рут смотрит через плечо: назад нельзя. Позади двое всадников, загородили всю дорогу. Длинные плащи, черные шляпы. У одного в руках дробовик. У другого хлыстик.

Откуда и взялись?

– Зря вы это, мисс, – подъехали, улыбаются. Хлыстик перехватил поводья Мэгги. – И вам лишняя головная боль, и нам.

– Будь паинькой, – велел дробовик. – Рыпнешься, пожалеешь.

– Отпустите ее, – папа уже голос сорвал. – Вам нужен я!

Не послушались. Не отпустили.

Пока ехали прочь, Рут вся извелась. Куда мы едем? Откуда взялись эти люди? Кто они? Что им нужно от папы? От меня? Что они делали возле усадьбы? Я же совсем недалеко отъехала, я почти дома...

Вопросы, вопросы. Слишком много.

Рут Шиммер, ты цветок, выросший в оранжерее. Что ты знаешь про ветер, ливень, бурю? Ничего. Пока тебя не сорвут и не поставят в вазу – ничегошеньки. Любой одуванчик на лугу знает жизнь в сто раз лучше тебя.

Где ты, мазурка?

Губная гармошка. «Танец веселого лодочника».

Хлыстик немилосердно фальшивит. Рут уже поняла, что это бандиты. Сейчас папа продаст им искры, скупленные в поездке, и бандиты отпустят пленников домой. А как же иначе?

– Танец, танец лодочника!

Танцуем всю ночь до рассвета!

Лодочник танцует, лодочник поет,

Лодочник делает все, что угодно...

В доме темно. Не дом, развалюха. Как тут можно жить? Отца привязали к стулу. Рут свободна. С ногами взобралась на жесткую лежанку, забила в угол. Искусала все губы.

О какой свободе сейчас идет речь?! Мисс Шиммер, вы сошли с ума.

– Контракт, – главарь протянул отцу лист бумаги. – Подписывай.

– Отпустите мою дочь.

– Подписывай.

– Пока она здесь, я ничего не подпишу. Дайте ей уехать.

Через час после ее отъезда я поставлю подпись даже на собственном свидетельстве о смерти.

У главаря пышные усы и рябые щеки.

– Подписывай. Уедете вдвоем.

– Только не сразу, – расхохотался дробовик. – Не волнуйся, приятель, мы быстро. Нам совсем невтерпеж, мы тебя не задержим.

И посмотрел на Рут так, что мурашки по коже.

– Ты идиот, Барри, – главарь опустил руку с контрактом. –

У тебя вместо головы седло.

– Почему это?

– Теперь он точно ничего не подпишет. Пока она здесь, он будет упираться до последнего. Ленивый мул сговорчивей, чем он сейчас.

Папа молчал, смотрел в пол. Да, молчал папа.

Тридцать раз да.

– Танец, танец лодочника!

Танцуем всю ночь до рассвета!

Чем лодка не танцпол?

Плыви, лодочник, вверх по рекам Огайо...

Главарь обмахнулся контрактом, будто веером.

– И что мне теперь делать, Барри? Что мне делать благо-

даря твоему длинному языку? Пытать его, что ли?

Дробовик щелкнул пальцами:

– Почему его?

Щелкнул еще раз:

– Дай-ка я попытаю ее. Что скажешь?

И еще:

– Клянусь, этот парень сразу станет сговорчивым!

– Хорошая идея, – согласился хлыстик.

Рут много часов отдала чтению. В книгах, над которыми она плакала и смеялась, девушки, случалось, умирали от чахотки, но помощь всегда приходила вовремя. На палубе пиратского корабля, в прерии под выстрелами индейцев, в графском замке под звон шпаг – являлся спаситель, чтобы вывести из огня, вынести из пучины.

Сейчас, подумала Рут. Уже скоро.

– Раньше я никогда не бил женщин, – дробовик подошел ближе. От него пахло табаком, конским потом, давно невымытым телом. – Пожалуй, уже поздно начинать. Начнем-ка мы с другого...

Рут не раз читала, как насильники рвут одежду на своих жертвах. В романах это выглядело изящней. Дробовик разорвал на ней блузку раньше, чем она поняла, что делает этот человек. Ужас припоздал, поэтому ударил сильнее, болезненней. Сказать по правде, Рут оглохла от этого ужаса.

– Беги, – велел отец. – Беги и не оглядывайся.

Он говорил чужим, незнакомым Рут голосом. Бежать? Ку-

да? Как?! Дробовик загоразивал ей путь к дверям. Отцу, наверное, тоже страшно, вот и говорит чепуху.

– Кровь Христова...

Дробовик захрипел. Лицо его налилось кровью, словно Господь услышал сказанное бандитом. На лбу выступили крупные капли пота. Казалось, кто-то развел под несчастным костер. Зубы дробовика застучали. Смешно, подумала Рут, не замечая, что дрожит всем телом, как и ее мучитель. Зубы дробовика! Нет, правда, смешно.

Барри, вспомнила она. Главарь звал дробовика Барри.

В углу упал на колени хлыстик. На миг они с дробовиком превратились в братьев-близнецов: багровые лица, пот ручьем, скрежет зубовой. Озноб. Ломота во всех мышцах, заметная даже со стороны. Судороги. Слабость; хуже, бессилие.

Кажется, с главарем происходило то же самое.

– Беги!

Вопль ожег спину хуже плети.

Позже Рут узнала, что никогда не простит себе это бегство. Совесть, бешеная сука, была глуха к любым доводам разума. Да, она ничем не могла помочь отцу – или навредить похитителям. Да, ее присутствие давало бандитам в руки еще одно оружие против отца. Да, да, тысячу раз да. А толку? Если ты сам не можешь себя простить, какой суд тебя оправдает?!

Мэгги стояла у коновязи. К счастью, оседланная.

Рут уже скакала прочь, глотая слезы, когда за спиной громыхнул выстрел. Теряя сознание, последний из банды, кто оставался в живых, главарь совладал с револьвером.

– Чем лодка не танцпол?

Плыви, лодочник, вверх по рекам Огайо!

Обнимите партнера, возьмите его за руку,

Лодочник будет качать вас на волнах до утра...

Рут не связала произошедшее с отцом. Нет, похищение, разумеется, связала – тут не требовалось большого ума. Но божья кара, обрушившаяся на этих троих неведомо с каких небес... Мисс Шиммер не видела плюса, способного сложить два и два, превратить в разумную и понятную четверку.

Да и кто бы увидел?

Разве что дядя Том. Но дядя Том развязал язык позже.

Томас Эллиот Шиммер, шансфайтер. Охотник за головами таких людей, как хлыстик, дробовик и главарь. Защитник от их посягательств; переговорщик в сложных ситуациях. Временами он предлагал свои услуги брату. Роберт Шиммер, спарк-дилер железнодорожной компании «Union Pacific Railroad», отшучивался, отказывался.

Вилял, как говаривал Том, хвостом.

Услуги шансфайтеров стоили недешево, даже учитывая полную весную братскую скидку. Отец Рут до конца своих дней стеснялся того, что роскошный образ жизни – усадьба, конюшня, парк, слуги – его семье позволяет вести не жалованье мужа, а приданое жены. Он не знал, что его жена ничуть не меньше стесняется роскоши и денег, полагая их признаком своего плебейства в сравнении с родословной семьи Шиммер.

Так и жили, скрывая чувства друг от друга.

3

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

Оглушительный гром. Небеса раскалываются сеткой трещин.

– Джош, просыпайся!

Сеть молний слепит глаза, отпечатавшись на внутренней стороне век. В ушах затихает эхо громового раската. Джош моргает, из глаз текут слезы. Нет, не молнии – лампа. Керосиновая лампа в руке Сэмюэля Грэйва. Гром? Хлопок двери.

Вечно Сэм ее не придерживает.

– Какого черта?! Что случилось?

– Горит нефтяной промысел братьев Сазерлендов! Билл Кирби прискакал: сам в копоти, лошадь в мыле. Едва не загнал скотину, болван.

Перед глазами Джоша встает закопченный Кузнец. Бле-

стит металл на затылке и предплечьях. Джош мотает головой, гонит видение прочь.

– Вот зараза! Надо людей собирать!

– А я тебе о чем?! Ну и здоров ты дрыхнуть... Еле добудился!

– Шериф в курсе?

– Велел поднимать тревогу и ехать тушить.

– Опять все на нас свалил?

Сэм криво улыбается.

– Ладно, собирай, кого сможешь. А я бегом в мэрию. Там во дворе водовозка с помпой. Кого поднимешь – гони ко мне, пусть помогают.

Сэм кивает. В дверях он оборачивается:

– Говорил же: быть тебе шерифом!

– Иди к черту!

– Едва глаза продрал – сразу командовать взялся!

– Скажи, чтоб верхом выезжали! И лопаты прихватили!

Спину ломит, словно Джош всю ночь таскал мешки с мукой. Ноют плечи, саднят бедра. Такое впечатление, сэр, что Джошуа Редман проскакал часов шесть в неудобном седле. Уже встав с кровати, Редман обнаруживает, что полностью одет. Только сапоги на полу валяются и пояс с револьверами висит на спинке стула.

Все остальное – на Джоше.

Тахтон, что ли? Ездил куда-то, пока Джош спал *снаружи*? Какие-то свои делишки обтяпывал?! Одна мысль о та-

ком вопиющем самоуправстве приводит Джоша в бешенство. Вслед за бешенством приходит страх. Что еще делает ангел-хранитель, о чем его подопечный ни сном, ни духом?! До сих пор Джош видел от тахтона лишь добро, только добро, ничего, кроме добра. Но природная подозрительность не дает ему покоя.

– Эй, приятель! Ты где?

Сладкий голос Джоша не предвещает ничего хорошего.

Нет ответа. Молчит лес в голове, не мерцает у окна призрачный силуэт. Ладно, потом. Сейчас нет времени. Проклятье, никогда нет времени, когда оно нужно позарез!

– Мы с тобой еще потолкуем, дружище.

Мрачней тучи, Джош натягивает сапоги. Застегивает пояс, надевает шляпу, выбегает из дома. За спиной выстрел – это хлопает дверь. Оружие не проверил, вспоминает он на бегу. Впервые за много лет. Ладно, пожар – не война.

Обойдется.

На востоке над Великими Равнинами встает рассвет. Горизонт очертила тонкая пурпурная линия. Выше клубится пух из ангельских крыльев: нежно-розовый. Свет наступает, готовясь щедро пролиться на землю. Тьма откатывается на запад, к ломаной линии Скалистых гор. Длинные лиловые тени накрыли улицы и дворы, словно пытаюсь удержать в городе частичку ночи.

Джошуа Редман топчет тени. Рассветные красоты? Вечная битва света и тьмы, в которой никогда не будет победи-

теля? Прошу прощения, сэр, кому это сейчас интересно?!

К счастью, мэрия недалеко.

Во дворе двое заспанных работников возятся с пожарной бочкой. Один, хромя на обе ноги, выводит из конюшни лошадей. Другой порезвее: он уже подсоединил брезентовый рукав к трубе, выходящей из днища дощатой водонапорной башни. Башня – предмет гордости мистера Киркпатрика, мэра Элмер-Крик. О да, сэр, Элмер-Крик – истинный оплот цивилизации! В городе с недавних пор есть водопровод. «Скоро свежая вода придет в каждое жилище!» – вещает мэр на собраниях городской общины. Пока же вода пришла лишь в десяток домов – в первую очередь посетив скромное двухэтажное жилище мэра.

Но дюжину водяных колонок в городе все же установили. Куда удобней старых колодцев, надо признать.

Работник откручивает здоровенный ржавый вентиль. От скрипа вянут уши. Рукав набухает, с громким бульканьем вода устремляется в бочку. Конюх запрягает фыркающих лошадей. Командный пыл Джоша иссякает: работа кипит и без его ценных указаний. Но торчать столбом, глаза на чужую работу, не в привычках Джошуа Редмана.

О нет, сэр!

– Кто умеет управляться с помпой?

– Оба.

Ответ едва слышен за скрипом вентиля и бульканьем воды. Поток, хлещущий в бочку, усиливается. Джош указыва-

ет на пожарную водовозку:

– Тогда вдвоем и поедете.

– Святые небеса! Что бы мы без тебя делали, Малыш?

Джош думал, что разучился краснеть от смущения, как девица на выданье. Ошибся, бывает.

– Без меня? Думаю, то же, что и со мной, – криво усмеяется он, признавая поражение. – Пойду-ка, заседлаю свою Красотку.

Пегую кобылу Красотку он держит в муниципальной конюшне. Ездить верхом в последнее время приходится нечасто, а платить за постой и корм помощнику шерифа не нужно. Использование выгод служебного положения? Так точно, сэр! От законной экономии только дурак откажется. Вот вы бы отказались, сэр?

Так я и думал.

Конюшня здесь же, в дальнем конце двора. Третий денник слева. Темно, пахнет конским навозом, сеном. Немного – керосином. Наощупь Джош нашаривает лампу, висящую на занозистой стене. Чиркает спичкой, подкручивает фитиль.

В трех футах из тьмы проступает точеная лошадиная морда. Красотка косит на хозяина влажным глазом, недовольно моргает. Пламя керосинки слишком близко, это Красотке не нравится. Джош отодвигает лампу:

– Привет, солнышко!

Кобыла чутко прядает ушами, всхрапывает. Черт, надо было яблоко ей прихватить!

– Извини, подружка.

На всякий случай Джош хлопает себя по карманам. Что это? Яблоко? Тахтон постарался? Неужто ангел-хранитель заранее знал, что Редману доведется седлать Красотку?!

– Вот, моя хорошая. Угощайся.

Мягкие губы Красотки аккуратно берут яблоко с ладони. Сочное хрупанье. Похлопав лошадь по шее, Джош снимает со стены седло и уздечку.

Когда он выводит заседланную Красотку, лошади уже запряжены в водовозку. Бочка полнехонька, а к воротам подъезжают десятка три всадников. Уже рассвело, Джош узнаёт всех – включая Сэма и других помощников шерифа: Неда Хэтчера и Белобрысого Ганса.

– Все в сборе? Вперед!

Он легко вскакивает в седло.

– Ха! Малыш, угомонись!

– Командовал бы сам. Но ты же молчишь?

Нед не находится с ответом. Джош замечает, что под Сэмом не его вороной, а коренастый гнедой жеребчик. Одолжил у кого-то, не иначе – чтобы зря время не терять.

– Лопаты взяли?

– Тебя забыли спросить!

– Вы, на водовозке – догоняйте!

С гиканьем отряд проносится через просыпающийся Элмер-Крик. Быстрой рысью вылетает из города, сворачивает на северо-западную дорогу, что ведет к нефтяному промыс-

лу. Позади полыхает восход. Впереди, там, куда они спешат, в небо поднимается разлохмаченный хвост черного кота.

Черный кот к несчастью, вспоминает Джош. Ерунда, суеверие. Ну, пожар. Ну, потушим. А на сердце все равно кошки скребут.

Черные.

4

Рут Шиммер по прозвищу Шеф

Выехали затемно.

Около часа двигались шагом вдоль реки, по западному берегу. Продрались сквозь трепещущий на ветру осинник, взяли выше, перевалили через пологую гряду холмов. Дальше началась прерия, густо поросшая клочковатым кустарником и бизоньей травой. Рассвет запаздывал, лишь горизонт украсила тонкая кайма пурпура. По траве стелился туман; казалось, лошади бредут в речной воде.

Островки ковыля и полыни усиливали впечатление.

Первым ехал Красавчик Дэйв. За ним, надвинув шляпу на нос, следовал Бенджамен Пирс. Отчим дремал в седле, добирая тот сон, который у него отнял ранний отъезд. Замыкали кавалькаду Рут и молодой стрелок, чьего имени она не знала. Представиться стрелок забыл: стеснялся или был груб от природы. А может, опасался лезть со знакомством, зная репутацию мисс Шиммер.

Все при револьверах. У Пирса и молодого стрелка из седельных кобур торчат приклады ружей. Рут искренне надеялась, что оба мужчины умеют пользоваться не только прикладами. Сама она взяла с собой шестизарядную винтовку Роупера, оставшуюся Рут в наследство от дяди Тома. Запас, как говорится, карман не тянет, даже если до стрельбы дело не дойдет.

Не будь Пирс мужем ее матери, что оставило бы равнодушными девяносто девять дочерей из ста, Рут сочла бы поездку обычным наймом, не заслуживающим лишнего внимания. Куш действительно намечался знатный. Род Горбатого Бизона, одно из многочисленных шошонских племен, согласно сведениям, добытым «Union Pacific Railroad», склонялся к массовой продаже искр. Обычно индейцы искрами не торговали. Духи предков, духи зверей-покровителей, великие духи земли и небес – короче, чертова уйма духов всех мастей и калибров, окружавшая краснокожих с рождения до смерти, была против. Но пока ты живешь, ты нуждаешься во многом, а с духами проще договориться, чем с голодным брюхом. Одежда, оружие, лошади, фабричная одежда, сапоги – да мало ли что стоит денег? Скрепя сердце вождь соглашался на уговоры молодых, старейшины кивали, рассчитывая на небольшое озерцо с огненной водой, а шаман находил подходящие аргументы для возмущенных духов.

Как правило, духи в итоге уступали.

Для такой сделки требовался агент опытный, способный

принять в себя большой запас скупленных искр. Вероятно, у «Union Pacific Railroad» и впрямь не нашлось никого лучше Беджамена Пирса. Во всяком случае, не нашлось поблизости от тех мест, где кочевал род Горбатого Бизона. Промедление в таком деле, отправка спарк-дилера, которому потребовалось бы много времени на дорогу – все это грозило потерей вожаделенных искр.

Приз достался бы более расторопному конкуренту.

Пирса уведомили телеграммой от начальства, для проформы предоставив выбор: ехать самому или подыскать себе замену. Второй вариант означал: ты потерял хватку, старые сапоги тебе жмут, мы все понимаем, но не нуждаемся в услугах людей, тяжелых на подъем.

«Не поверишь, – хмыкнул Пирс, – но я обрадовался. Давно хотел проветриться, да все случая не подворачивалось. Если по возвращении в Элмер-Крик во мне еще останется свободное место – доберу товара. Столько народу понаехало, ужас! Не может быть, чтобы кому-то не захотелось отдать искорку старику Бену за четвертак...»

Он был прав. Рут не поверила.

– Дымом пахнет, – Красачик Дэйв придерживает коня.

Встает на стременах, вертит головой:

– Пожар, что ли? Где горит?

Вопрос не требует ответа. Ответ сам мчится навстречу, на взмыленной кобыле.

– Нефтяной промысел! – хрипит всадник. – Сазерленды

горят...

Придержаться кобылу он и не думает. Крик, разодранный ветром в клочья, налетает на Рут, бьет по ушам и несется дальше, прочь, в сторону Элмер-Крик:

– Скачите туда! Каждая рука на счету...

Рут пожимает плечами. Меньше всего она собирается предоставлять свои руки для подсчета неким Сазерлендам, кем бы они ни были. Горит промысел? Чужая беда, чужая забота.

Красавчик Дэйв того же мнения.

Пирс берет флягу, делает глоток. Возвращает флягу на место. Веки отчима по-прежнему сомкнуты, словно он продолжает дремать. Прежде чем проглотить воду, он долго полощет рот. Кто другой после такого сплюнул бы на землю, но только не Пирс.

– Сворачивай, Дэйв, – говорит он. – Где тут этот промысел?

Мнение Рут об отчине дает трещину. Последнее, в чем она бы заподозрила мистера Пирса, это желание помочь ближнему.

Часть вторая

Воображаемые друзья

Глава шестая

Сегодня и давно. – Лучший возраст для смерти. – Святой поселок. – Первая встреча. – Битва с огнем. – Кто поднял тревогу? – Бешеные братья Сазерленды.

1

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

Пылит ухабистая дорога. Рыжий шлейф тянется за отрядом на четверть мили, словно хвост гигантской лисицы. Джош натягивает на лицо шейный платок, желая защитить рот и нос. Остальные делают то же самое: ни дать ни взять, банда спешит на грабеж почтового дилижанса!

Глаза защитить нечем. Они отчаянно слезятся от ветра, бьющего в лицо, от ржавой осмакской пыли. Джош то и дело смаргивает, ругается сквозь зубы.

Кто-то догадывается свернуть с дороги в степь. Ухабов хватает и здесь, зато пыли куда меньше. Глохнет в траве перестук копыт. Ветер несет запахи вездесущей полыни и шал-

фея, аромат цветущих флоксов. Розовые и лиловые соцветья мелькают тут и там, придавая разнотравью праздничный вид.

Запряженная парой гнедых водовозка катит в полумиле позади. Солнце, выглянув из-за небокрая, превращает пыль, стелющуюся за телегой, в клубящееся пламя.

Впереди ждет пламя настоящее. Багрово-оранжевые сполохи подсвечивают лохматое облако дыма. Рвутся в небеса, напрямик в божий рай; не достигнув цели, опадают хлопьями жирной копоти. Ближе к земле пламя гудит так, что слышно даже с этого расстояния. Вокруг суетятся, хлопочут черные фигурки – точь-в-точь черти в аду!

Джош знает: ад и черти выглядят иначе. А может, все-таки есть другой ад? Тот, которым страшат прихожан преподобный Элайджа?!

Грязные с головы до ног люди пытаются совладать с огнем. Швыряют лопатами землю, поливают водой из жестяных и брезентовых ведер. Ненасытное чудище ворочается, ревет, не сдается. Усилия нефтяников тщетны. Слабые духом отступают, бросают лопаты, в бессилии опускают руки...

Огонь. Бессилие. Обреченность.

Да, Джош помнит.

Джошуа Редман по прозвищу Малыш (четырнадцать лет назад)

Тринадцать лет – прекрасный возраст, чтобы умереть.

Джошуа Редман повторял эту в высшей степени ободряющую мысль все время, пока бежал прочь от горящего поселка. Идея смерти в тринадцать лет принадлежала не ему. Ее всякий раз провозглашал толстяк Хемиш, вожак шайки сверстников Джоша, издеваясь над своей жертвой. Возраст каждый год менялся – до тринадцати Хемиш дополз не сразу, начав с десяти лет. Толстяк смеялся, а Джошу было не до смеха – и раньше, и сейчас.

Слабым утешением беглецу служил тот факт, что Хемиш больше не смеется. Он не засмеется никогда, сэр! Почему? Его труп лежит возле загона для свиней. Полагаю, сэр, что мертвецам не до смеха.

Сегодня Джош видел слишком много трупов. Вид толстого Хемиша с простреленной головой, уткнувшегося лицом в свиное дерьмо, мало что мог к ним прибавить: ни жалости, ни запоздалого злорадства. Пожар, с жадным ревом и треском уничтожающий поселок, бушевал не только снаружи, но и внутри Джоша. Вернее, там, внутри, он свое отбушевал.

Остался лишь пепел безысходности, под которым едва тлели угольки страха.

Сам Господь Бог, похоже, ополчился на Джошуа Редмана.

Мать умерла, когда Джошу исполнилось десять. Сгорела за пару месяцев от скоротечной чахотки. В самом начале мама каким-то чудом ухитрялась скрывать свой кровавый кашель. В эти дни она была красива неземной, ангельской красотой. Хрупкая, прозрачная; вся уже там, не здесь. Из нее исходил свет, проступал румянцем на щеках и блеском в глазах. Потом, когда болезнь было уже не скрыть, свет угас, и стало поздно.

«С самого начала было поздно, – утешил доктор Чемберс, выпивоха и циник. – Я бы все равно ничем не помог, даже обратиться она ко мне раньше. Горный воздух? Хорошее питание? Редманы, у вас есть деньги на воздух и питание? Монет в ваших карманах хватит лишь на бутылку дрянного виски.»

– Молись! – приказал Джошу отец. – Ее спасет только чудо.

– А ты?

– Я – старый грешник. Меня Господь не услышит. Ты – другое дело. Ты – чистая душа, глядишь, и достучишься до небес. Молись, как никогда не молился!

По щекам отца текли слезы. В тот день он, следуя заветам доктора Чемберса, впервые попытался утопить горе на дне бутылки. К полуночи это ему удалось. Отец провалился в мутное беспамятство, к которому стремился, и остался в нем надолго. Джош менял матери простыни, делал теплое

питье, варил кашу – и молился, молился без конца. Случалось, отец выныривал из пьяного забытья. Тогда он принимался рьяно помогать сыну, но день, другой, и Редман-старший снова уходил в запой.

На похоронах он едва мог стоять. Джошу приходилось следить, чтобы отец не упал в могилу, выкопанную для матери.

Когда пришла пора собирать урожай, отец с трудом сумел взять себя в руки. Впервые Джош порадовался, что кукурузное поле у них самое маленькое в округе. Иначе они бы не управились, а нанимать помощников им было не по карману. В мальчишке затеплилась робкая надежда: вдруг отец станет прежним?

Почитай, неделю не пьет, работает...

Продав урожай, отец запил по новой. В одну стылую ноябрьскую ночь, когда ветер завывал в трубе, а залпы снежной картечи лупили в узкое окошко, он не вернулся домой. На завтра, ближе к полудню, его привезли на телеге: синего, закоченевшего. Возвращался из салуна, сказали Джошу, свалился в канаву.

Заснул и замерз насмерть.

Неделю спустя появился дядя Филип, брат отца. Дядю Джош до того видел два раза в жизни. В домотканом сером пальто до пят, в широкополой черной шляпе, с окладистой бородой, дядя Филип был сама строгость и благочиние. Он с

семьей жил в общине амишей⁹ на территории Небраска, полусотней миль севернее.

– Как вы узнали, сэр? – спросил у него Джош.

– О чем?

– О том, что мой отец умер?

– Искра. Моя божественная искра! – Филип Редман воздел палец к небу. Левую руку он приложил к сердцу. – Она подсказала мне, что с моим непутевым братом приключилось несчастье. И я поспешил сюда, ведомый перстом Господним!

Насчет искры дядя соврал, ничего она ему не подсказывала. Умение ускорять рост ногтя на правом мизинце – какие тут подсказки? Искрой послужил дядин сосед: ездил в город продавать сметану и масло, услышал о смерти брата Филипа – и раззвонил на весь поселок.

К дядиному приезду отца Джоша уже похоронили. Вернувшись с кладбища, Филип хозяйским взглядом оглядел ферму покойного брата.

– Ферму продадим. Ты поедешь со мной. Наша община станет тебе новой семьей.

Дядя не говорил – вещал, как пастор на воскресной проповеди. Тон его не предполагал возражений.

– Стервятник! – прошипел Джош сквозь зубы.

⁹ Амиши – консервативное религиозное движение, одна из ветвей протестантизма. Движение возникло в 1693 году в Европе, но потом большинство амишей было вынуждено эмигрировать в Америку, спасаясь от преследований.

Дядя сделал вид, что оглох на оба уха.

Стервятник или нет, но на три года Джош получил пищу и кров над головой. И да, сэр – новую семью. А теперь...

Он остановился на вершине пригорка, тяжело переводя дух. Медленно, словно немощный старик, обернулся. Поселок догорал. Багровые языки пламени лизали черные остовы домов, рвались к равнодушным небесам, где уже зажглись первые звезды. Люди, которые всецело уповали на милость Господа и грядущий рай, нашли подлую гибель и обрели ад на земле.

Среди руин что-то шевельнулось. Бандит задержался, копаясь в чужом сундуке? Догоняет своих?! Джош уже готов был пуститься наутек, да ноги приросли к месту. Нет, это не убийца. Из пламени выбиралась зыбкая фигурка. Вглядываясь до рези под веками, Джош все не мог толком рассмотреть ее в карусели сполохов. Чудилось, что пальцы огня хватают незнакомца и никак не могут схватить, будто он – призрак, пустое место.

Ерунда! Глаза слезятся, вот и мерещится всякое.

Выбравшись из развалин, человек неуверенно заковылял в сторону Джоша. Джош хотел кинуться навстречу, но силы внезапно кончились. Все, что осталось бедняге – стоять на вершине пригорка, поджидая собрата по несчастью.

Тринадцать лет, невпопад подумал Джош и содрогнулся. Прекрасный возраст, чтобы умереть. Тьфу ты пропасть, что

в голову лезет!

Еще вчера Джошуа Редман не мог дожидаться, когда ему стукнет шестнадцать. О, славное время *румспринга* – выбора дальнейшего жизненного пути! В своем выборе Джош не сомневался: он покинет общину без сожаления и никогда не вернется сюда, хоть ты режь его ножами! Наймется работником на ферму; а если повезет – его возьмут в пастухи-ковбои.

Купит шляпу, револьвер...

Как же ему осточертели занудные святоши! Корчат из себя строгих, богобоязненных, а церкви-то у них нет! И в городскую церковь никто не ездит. Это уже вообще ни в какие ворота! Долгие воскресные молитвы амиши читали прямо в жилищах, собираясь всей общиной то в одном, то в другом доме. Даже не каждое воскресенье, а через одно, сэр.

Еще их дурацкий язык!

Немецкий, пояснил дядя Филип. Язык наших предков-основателей. Язык пресвятого Якоба Аммана¹⁰!

Дядя был такой же немец, как и его покойный брат. В смысле, никакой. Но, вступив в общину, Филип рьяно учил немецкий и всерьез считал предками амишей Старого Света. Больной, понял Джош. Червяки в башке. Мама говорила, с сумасшедшими грех спорить.

К работе от зари до зари Джошу было не привыкать. Бес-

¹⁰ Якоб Амман – основатель движения амишей (они же аманиты или амманиты).

конечные молитвы? Ладно, язык не отсохнет. Ходить босиком с ранней весны до первых заморозков? Первый год как-то пережил, потом и вовсе привык. Но почему простой ручной пресс для сена – «не от Бога»? От кого же тогда? Дьявола здесь старались не помянуть, за произнесенное вслух имя нечистого били по губам, за ругательства – секли розгами. И керосиновая лампа – «не от Бога», и водяной насос. А уж любое оружие – и подавно. Почему нельзя купить в городе нормальную фабричную одежду? Все домотканое, самодельное. Ну, кроме шляп с широкими полями: их носили все мужчины, как женщины – головные платки.

То нельзя, это нельзя. Город – рассадник пороков, нечего там делать. На праздниках и свадьбах – тягучие гимны без музыки. Молись и жди Второго Пришествия! Оно не за горами, в Старом Свете ад уже кипмя кипит. Недолго осталось нам ждать Спасителя! Веруйте и воздастся!

Воздалось.

3

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

– Что так долго?!

Под копыта лошадям кидается Макс Сазерленд, старший из девяти братьев. Это их семейка управляет здешним нефтяным промыслом – ямами с черной дурно пахнущей жижей и скрипящим насосом.

– Где вы носите ваши тощие задницы?!

Добровольцы-пожарники спешат натянуть поводья, боясь затоптать безумного Макса.

– Где надо, там и носим!

– Как узнали, сразу примчались!

– Не нравится? Сам справляйся!

Макс скрипит зубами. Свозь копоть, испятнавшую его широкое, обрамленное курчавой бородой лицо, пробивается яростный багрянец. Кажется, сейчас Макс набросится на всадников с кулаками – револьвера у него, к счастью, при себе нет.

– Водовозка где?!

– Едет. Скоро будет.

– Давайте уже, за дело! Или вы вроде этих придурков?!

Он машет рукой, указывает на другую сторону котлована, на дне которого полыхает пожар. Дым и гудящее пламя мешают рассмотреть, что там происходит. Джош трогает повод, умница-Красотка смещается влево. Ага, теперь видно. На краю склона трое людей отложили лопаты. Двое направляются к лошадям, беспокойно пританцовывающим на месте. Собрались уезжать? Третий задерживается: топчет сапогами тлеющую траву.

Край склона желтеет отвалами свежей земли.

Перекопали. Чтоб огонь по прерии не пошел. Правильно сделали, молодцы. Нам только пожара на пол-Осмаки не хватало, сэр! Третий заканчивает свое дело, оборачивается.

Джош изумленно свистит: мисс Шиммер?!

Вот уж кого не ожидал увидеть!

Женщина тоже замечает Джоша. Махнет рукой? Пошлет воздушный поцелуй? Как же, дожدهшься от нее! Отвернулась, идет к лошадям вслед за мужчинами. А вон и четвертый – все это время он оставался в седле. Приезжий саквояжник¹¹? Рут Шиммер, вы нашли своего отчима? И куда же вы направляетесь?

На индейскую территорию, не иначе.

– Ворон ловишь? – рывкает Макс Сазерленд. – Заснул, болван?!

Жар волнами опалает лицо, руки. Накатывает, отступает, накатывает снова. Нет, это не жар, это сам Джош. Он двигается, как в драке с трехсотфунтовым громилой. Отступает под натиском противника – и вновь бросается в атаку. Оружие – лопата. Заряды – пласты желтой рассыпчатой земли. Лопата подцепляет их, швыряет во врага. Черенок скользит в потных ладонях. Пот заливает глаза. Спина взмокла. Платок на лице – чепуха, дышать все равно нечем.

Кашель рвет глотку.

¹¹ Саквояжник (carpetbagger) – иронично-презрительное прозвище предпринимателей-янки из северных штатов, приезжавших на юг и запад в поисках легкой наживы. Почти все они возили с собой кожаные саквояжи.

Где эта чертова водовозка?!

Словно в ответ Джоша с головы до ног окатывает тугая струя воды. Джош отскакивает, встряхивается мокрым псом, а струя все не кончается. Теперь она бьет прямо в пламя. Зверь-огонь шипит, фырчит, плюется. Ага, не нравится?! Двое на пожарной телеге работают как заведенные, качая помпу. Джош снова хватается лопату, швыряет землю. Со стороны может показаться, что он обезумел. Вода насквозь промочила одежду и платок на лице. Дышать стало легче.

И жар опаляет меньше.

Пламя уже не рвется в небеса. Стелется по земле, норовит спрятаться, укрыться от беспощадной воды и груд земли.

– Давай! Поднажми!

Брандспойт фыркает, извергает сноп сверкающих брызг. Струя иссякает.

– Проклятье!

Воспряв, пламя вздымается выше. Гудит, издевается. У Джоша темнеет в глазах. Он роняет лопату: все зря! Кажется, что упала не лопата – гора. От громового удара вздрагивает земля. Над головой нависает свинцовая туча. Выскерк молнии, снова гром.

Стеной падает ливень.

– Да! Да!

– Господь с нами!

– ...услышал! Наши молитвы!

Сазерленды истово молятся, упав на колени. Джош вспо-

минает старика Кэббиджа. Суставы не подвели зеленщика:
«Завтра будет дождь, помяни мое слово...»

Надо будет угостить Кэббиджа пивом. Заслужил.

Кто-то черный, пропахший гарью, с хохотом заключает Джоша в могучие объятия. Дождь щедро поливает обоих. Под ногами хлюпает, чавкает.

– Эй, брат! Да ты черней меня! Нравится?

Сэм, кто же еще?

– Отпусти, медведь! Спину сломаешь!

Дождь льет с четверть часа. Потом верховой ветер утаскивает громыхающую тучу на юго-восток, в сторону Элмер-Крик. К счастью, ливня хватило, чтобы загасить огонь. Осторожно, боясь запачкаться, выглядывает солнце. От влажной земли поднимается пар. Мешается с дымом, что еще курится над пожарищем.

– У кого-нибудь сухой табак есть?

Запас Джоша промок насквозь.

Джошуа Редман по прозвищу Малыш (четырнадцать лет назад)

Выживший приближался.

Сквозь него, как сквозь утренний туман, явственно просвечивали догорающие руины. Джош моргнул: раз, другой. Ничего не изменилось. Призрак! Неупокоенная душа мертвеца-амиша решила дожидаться Второго Пришествия здесь, на земле. Душа толстого Хемиша? По старой привычке желает сорвать злобу на любимой жертве?! Нет, призрак тощий, можно сказать, изможденный. Вряд ли Хэмиш сумел так отощать с минуты своей смерти, даже самым дьявольским ухищрением.

Джош истерически хихикнул. С опозданием он понял, что нисколько не боится. Все беды, которые он видел в этом мире, исходили от живых. Мертвые не делали Джошуа Редману ничего плохого.

Почему сейчас должно быть иначе, сэр?

Интерес. Вот что он ощущал: слабый интерес. До сих пор он ни разу не видел призраков. Оказывается, он еще способен чем-то интересоваться. Удивительное дело! А ведь был уверен: в сердце не осталось ничего, кроме горькой пустоты.

Конный отряд Джош заметил, когда всадники – человек

тридцать, не меньше! – только подъезжали к поселку. Не колеблясь ни мгновения, он плюнул на вскапывание огорода, отшвырнул тляпку и сиганул через невысокий забор. Всякий новый человек в поселке – событие. А тут целый отряд! Вот бы удалось к ним прибиться! Умотал бы отсюда к чертовой матери, не дожидаясь шестнадцатилетия...

На такую удачу практичный Джош не слишком надеялся. Поглазеть на приезжих, может, новости услышать – и то за счастье! Потом, конечно, высекут: «От работы отлыниваешь, греховодник!» Так в первый раз, что ли?

Еще издавек он увидел, что приезжие, спросив что-то у Хромого Яна, направляются к дому Йохана Химмельштосса – *полного служителя* и главы здешней конгрегации¹².

Задами Джошуа рванул туда же.

– Мы не продаем Господню Благодать! – услышал он, заглянув в щель забора.

Йохан Химмельштосс стоял на крыльце. Хмурил брови, решительно выставив вперед седую, жесткую, как метла из ореховых прутьев, бороду.

– Добром предлагаем, старик. Прикажи своей пастве, составим договор честь по чести. Вам – деньги, нам – искры. И расстанемся мирно, возлюбив друг друга. Никто не пострадает, даю слово. Пяти долларов тебе мало? Ладно, я дам десять. Это отличная цена!

¹² Полный служитель (епископ) – глава религиозной общины амишей. Конгрегация – община, 20-40 семей, живущих по соседству.

Загорелый мужчина в расшитом серебром жилете поверх бордовой рубахи натянул поводья, придерживав заплясавшего под ним жеребца.

– Дар Господень не продается! Всевышний дал, Он и заберет, если будет на то Его воля!

– Считай меня Его полномочным представителем!

Всадники, сгрудившиеся во дворе и за оградой, расхохотались.

– Отойди от меня, нечестивый! Не смей искушать слуг Господних!

В дверях дома объявился Тедди, зять Химмельштосса. Следом выглянула его любопытная жена – вторая дочь главы конгрегации.

– Я могу принести вам мир, старик. А могу и меч. Так или иначе, сделка состоится.

– Наша вера крепка!

– Сам напросился, дурак. Эй, Фрэнк, тащи-ка его сюда!

Рукояткой плети загорелый указал на Тедди, так некстати выглянувшего из дома. Ни зять, ни тесть ничего не успели сделать. Они и сообразить-то ничего не успели! Здоровяк Фрэнк слетел с коня, метнулся мимо опешившего старика и сдернул Тедди с крыльца.

– Смотри, святоша. И не говори, что тебя не предупреждали! Теперь это на твоей совести. Фрэнк, разьясни им условия!

– Все по закону! – ухмыльнулся Фрэнк.

Кулак врезался в лицо Тедди: дважды, прежде чем несчастный хлопнулся на спину, подняв облако пыли. Тэдди захрипел, зашелся кашлем. Этого было, считай, не слышно из-за отчаянного визга его жены.

– Подпись или побои? В последний раз спрашиваю...

На лице старика отразилось смятение. Кажется, он впервые заколебался. Но сделку сорвал Тедди: брызжа кровью из сломанного носа, зять Химмельштосса превратился в затравленного зверя. Вместо того, чтобы получив по левой щеке, подставить правую, он схватил вилы, стоявшие у стены, и бросился на обидчика.

– Фрэнк!

Выстрел и вилы ударили разом. Фрэнк рухнул с распоротым животом, Тедди – с простреленной головой. Ствол револьвера в руке загорелого уставился в лоб Йохану Химмельштоссу.

– Что ты наделал, старик?!

Лицо Химмельштосса побагровело.

– Это не сойдет вам с рук, дети греха! Кара Господня постигнет вас, как и кара людская! Думаешь, я стану молчать?! Завтра же федеральные маршалы¹³ узнают...

Грохнул второй выстрел. Мозги Йохана Химмельштосса густо забрызгали входную дверь его собственного дома.

¹³ Служба федеральных маршалов – старейшее федеральное правоохранительное агентство США. Обеспечивает деятельность федеральных судов, контроль за исполнением приговоров, розыск, арест и надзор за содержанием федеральных преступников.

– Берите все, что найдете ценного. Всех убить, поселок сжечь. И смотрите, чтобы никто не ушел! Нам не нужны свидетели.

Главарь развернул коня – и ад последовал за ним.

Задыхаясь, прячась от рыщущих кругом бандитов, Джош несся задами к жилищу Филипа Редмана. Мэри, жена дяди, была добра к нему, безуспешно пытаюсь заменить Джошу мать. У нее три дочки – мал-мала меньше! Да и дядя Филип на самом деле не так уж плох...

Он опоздал. Дом Редманов горел. На пороге лежали в обнимку Филип и Мэри. По спине дяди расплывалось кровавое пятно. В последний момент он пытался закрыть жену собой. Пламя гудело сердитым пчелиным роем. Из него доносился детский плач, но вокруг гарцевали убийцы на лошадях, паля в любую тень. И все же, несмотря на безнадежность, Джош едва не бросился к дому. Если забраться через заднее окно...

С грохотом рухнула крыша. Взметнулись снопы искр. Плач прекратился.

Джош кинулся наутек.

Он прятался в кустах и канавах. Ползком перебирался с места на место, натыкаясь на трупы. Когда начало темнеть, выбрался за околицу.

И вот...

«Привет,» – прошуршала осенняя листва.

Кажется, слово было другим, незнакомым. Но Джош

услышал его именно так: «Привет». Мальчишка стоял в трех шагах. Щуплый, растерянный. Трясется от страха. Младше Джоша на пару лет. Сквозь него просвечивал догорающий поселок. Призрак, без сомнения! Но призрак не принадлежал никому из знакомых Джошу людей. Никому из погибших сегодня.

– Ты кто?

«Тахтон.»

– Тахтон? Странное имя.

«Кто ты?»

– Я? Джошуа Редман.

«Странное имя. Что ты тут делаешь, Джошуа Редман?»

– Бегу. Спасаясь.

«Спасаясь...»

– Они всех убили. Я один выжил. А ты откуда взялся?

«Издадека.»

– Что ты тут делаешь?

«Спасаясь. Бегу.»

– Как я?!

«Наверное.»

– Ты... ты и взаправду призрак?

«Я тахтон.»

– У тебя же тела нет!

Мальчишка с очень серьезным видом оглядел себя:

«У меня нет тела.»

– Скажешь, ты всегда таким был?!

«Я не всегда... есть? был? буду таким?»

Шорох листвы усилился:

«Нет. Не всегда.»

– Значит, ты призрак!

«Я тахтон.»

Тахтон? Название какого-нибудь народа, о котором Джош не слышал? Индейского племени? На индейца мальчишка не походил. Скорее он был похож на самого Джоша. Так бы мог выглядеть его младший двоюродный брат.

– Как ты здесь оказался?

«Там тоже всех убили.»

– Где – там?!

«Там, внизу. Я...»

– Тебя тоже убили?!

«Да. Не совсем. Иначе меня бы не было.»

– Тут не поспоришь, – хмыкнул Джош.

Безумный разговор с призраком не давал ему провалиться в бездну отчаяния. Он цеплялся за каждое слово, как утопающий за соломинку.

«Где мы, Джошуа Редман?»

– Просто Джош.

«Где мы, просто Джош?»

– Джош, без «просто», – тупость призрака показалась Джошу забавной. Оказывается, что-то еще могло забавлять его. – Мы на севере территории Небраска.

Призрак молчал. Думал, морщил лоб.

– Соединенные Штаты Америки, – уточнил Джош.

«Что ты собираешься делать, Джош?»

– Идти отсюда. Найду какую-нибудь ферму или ранчо.

Может, меня пустят переночевать. Может, дадут что-нибудь поесть. Может, не пустят и не дадут.

«Я с тобой. Хорошо?»

Столько надежды прозвучало в вопросе призрака, что у Джоша на глаза навернулись слезы. Совсем малец, подумал он. Пропадет ведь...

– Пошли.

Приобнять тахтона за плечи не получилось. Рука беспрепятственно прошла сквозь нового приятеля.

– Извини...

«Не нужно извиняться. Ты не сделал мне ничего плохого.»

Двое одиноких, потерянных мальчишек зашагали прочь. Живой и мертвый. Ну да, не совсем мертвый. Так ведь и Джош не вполне живой – надолго ли его хватит? Призрак, стучало в голове у Джошуа Редмана. И что с того? Мертвые не делали мне ничего плохого. Только живые.

Вдвоем по-любому веселее.

5

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

– Может, тебе еще и спичек? – ухмыляется Нед Хэтчер. –

Раньше бы прикуривал, пока полыхало.

– С какой стати оно вообще загорелось?

Сэм проверяет свои сигарки, ругается. Тоже промокли.

– Это Хью окурок бросил! – Эйб Сазерленд, третий из братьев, зло сплевывает на землю. – Точно вам говорю! Швыряет где ни попадя!

Рябой верзила Хью до глубины души возмущен таким обвинением:

– Я? А ты сам, а?

– Что я сам?!

– Ты куда окурки бросаешь?!

– Тебе в штаны!

– Когда оно полыхнуло? Нет, ты скажи, когда?!

– Ночью. Еще по темноте, ближе к утру.

– Вот! Под утро!

– Что – вот?

– Я в своей хибаре дрых, понял?

Заскорюзлый, черный от сажи палец тычет в грудь мокрых головешек – останков времянок, дававших кров нефтяникам.

– Какого дьявола мне по ночам бродить?!

– Откуда я знаю? Приспичило, вот и вылез...

– Спал я! Меня Джек разбудил...

– Точно, – кивает Джек. – Я его разбудил.

Или не Джек. Все так перемазались в грязи и копоты, что узнать кого-либо в сонмище чумазных чертей проблематич-

но.

– Кто тревогу поднял?

Джош смотрит на обгорелый, местами оплавленный насосный механизм. Механизм похож на гигантского палочника. Очертания его колеблются, текут знойным маревом, начинают мерцать.

Между Джошем и насосом возникает силуэт тахтона.

– Явился, не запылится! Ладно, после потолкуем.

Губы Джошуа Редмана неподвижны. Лицо не меняется. Но беззвучные слова – о, в них он вкладывает все, что думает о поведении ангела-хранителя. Гнев вспыхивает и гаснет. Два ада, думает Джош. Нет, не тот, который я вижу в снах *снаружи*. Тот я зову адом только для красного словца. Две настоящих геенны, полных огня – нынешний пожар на нефтяном промысле и горящий поселок, доверху набитый трупами; ад, откуда сбежал проворный, испуганный насмерть сирота. Четырнадцать лет прошло, надо же! Я хорошо помню себя: мальчишку, дрожащего от страха. Я помню и тебя, призрак ты или кто там: мальчишка, такой же несчастный, как и я. Мы ушли оттуда вместе, выбрались из преисподней. С тех пор мы не расставались...

Крик и эхо. Тогда и сейчас.

Нет, тахтон. Пожалуй, я не стану выговаривать тебе за ночное самовольство. Мелкая шалость не стоит взбучки.

– Тревогу? – многочисленные Сазерленды чешут в затылках. – Кажись, Джек поднял. Вышел отлить, глядь: пожар,

мать его! Стал орать, будить.

– Никого поблизости не видел?

– Да вроде, нет...

– Краснокожие, – произносит Эйб. – Точно вам говорю!

– Что – краснокожие?

Многие оглядываются по сторонам. Нет, никого.

– Если эти не захотят, – Эйб опять плюет себе под ноги.

С ожесточением растирает плевков сапогом, – ты их днем с огнем не увидишь. Все слышали? Днем с огнем. А уж ночью и подавно.

– Зачем им нас поджигать?

– У нас с шошонами мир.

– Мир миром, – вмешивается Джош, – а нефть вы добываете на их территории.

– Это наш промысел!

Спорить с Сазерлендами себе дороже: чуть что, глотку перегрызут! Семейная собственность – дело святое. Джош машет рукой:

– Остыньте, парни. Никто вашу нефть не отбирает.

– Это наш промысел!!!

«Расскажите это шошонам, сэр, – думает Джош. – Они-то уверены, это их земля.» Он прикусывает язык, боясь произнести опасные слова вслух. Сазерленды и так на взводе. Одна искра – и полыхнут вдвое жарче их драгоценного промысла.

– Зачем им вас жечь? Шесть месяцев все нормально было...

– Сюда род Горбатого Бизона откочевал. Может, им мы не по нутру?

– Горбатый Бизон?

– Там стали, – кто-то машет рукой на северо-запад. – Милях в десяти.

Вряд ли промысел подожгли индейцы. Огонь едва не пошел по прерии аккуратно на них. Когда бы не мисс Шиммер и ее дружки, перекопавшие склон... Индейцы не безумцы, сэр. Самим себе проблемы создавать? Решили устроить поджог – обождали бы, пока ветер сменится.

– Точно, краснокожие! – кипятится Эйб.

– Больше некому!

– Увижу хоть одного индейца в округе – пристрелю!

– Верно!

– Пусть только сунутся!

Гомонят возбужденные мужчины, сыплют угрозами и проклятиями. Джош глядит в сторону предполагаемого становища шошонов – и видит одинокого всадника на пригорке. Индеец? Нет, саквояжник, отчим мисс Шиммер. Спутников не видно – уже скрылись за холмом. Он-то почему задержался?

С такого расстояния лица не разглядеть. Но Джошуа Редман уверен: всадник смотрит на него. Ни на кого другого, только на него.

Какого черта он пялится?!

В сердце вспыхивает беспричинная злость. В груди вспы-

хивает и гаснет острая боль: такое впечатление, что где-то наверху оборвался трос – и падающая люстра саданула Джоша латунным краем. Глаза слезятся, силуэт всадника расплывается, двоится. Джош смаргивает, трет глаза грязной ладонью. Пока он это делает, саквояжник разворачивает лошадь и скрывается за холмом.

Рядом с Джошем стоит тахтон. Кажется, оба они – и человек, и призрак – испытывают одни и те же чувства.

Глава седьмая

Зачем тебе шансер? – Стрельба по бутылкам. – Шо-шоны. – Два волка. – Мистер Пирс и мистер Редман. – Наследство. – Я еду с тобой.

1

*Рут Шиммер по прозвищу Шеф
(четырнадцать лет назад)*

- Что это?
- Несчастье, дядя Том.
- Большое, малое?
- Малое.

Второй патрон полетел от стола к окну, через весь кабинет.

- А это что?
- Рут поймала патрон:
- Тоже несчастье.
 - Большое, малое?
 - Малое. У тебя вообще есть большие?
 - Есть. Я ими редко пользуюсь. Отвечай быстрее.
 - Что?
 - Не жди, пока поймаешь. Отвечай, пока он летит.

– Я не смогу.

– Сможешь.

– Я не уверена...

– И не надо. Просто отвечай, не задумываясь. Что это?

– Проклятие.

Слово было уже произнесено, когда Рут взяла патрон из воздуха.

– Угадала. Бросай все обратно. Бросай левой рукой.

Патроны улетели к дяде Тому: один за другим. Поймав их, точно мух, Томас Эллиот Шиммер вернулся к прежнему занятию: чистке оружия. Рут присела на кушетку, внимательно глядя, как дядя Том откладывает шансер и берет свой старенький, чертовски тяжелый «Colt Army». Ставит курок на полувзвод, освобождая фиксаторы вращения барабана, с помощью деревянного молотка выдавливает соединительный клин, проворачивает барабан на пол-камеры...

Вчера они с дядей стреляли на заднем дворе. Недостойное занятие для юной леди, как сказала тетя Маргарет. Позавчера стреляли тоже. По бутылкам и камням. Сегодня дядя Том обещал подвесить бутылки и хорошенько раскатать. Он всегда держит свое слово. Недостойное занятие? Когда тетя это сказала, дядя согласился с ней. И добавил, потому что думал, будто Рут не слышит:

«Если это ее отвлечет, пусть стреляет. Ты заметила, она улыбается во время стрельбы?»

Тетя Маргарет согласилась. Раз улыбается, пусть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.